

Для всех поклонников «Джекаби» Уильяма Риттера
и «Охоты на Джека-потрошителя»
Керри Манискалко

Октакль

Она видит правду...
но убийца,
терроризирующий Париж,
видит ее.

ДЖОДИ ЛИНН ЗДРОК

#YoungDetective

Джоди Линн Здрок
Спектакль

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Здрок Д.

Спектакль / Д. Здрок — «Издательство АСТ»,
2019 — (#YoungDetective)

ISBN 978-5-17-114129-5

1887 год, весь Париж охвачен страхом из-за серийного убийцы, называющего себя Темным художником. Трупы жертв, выставленные в публичном морге, собирают толпы любопытных. Среди них – шестнадцатилетняя журналистка Натали Будин, пишущая ежедневные репортажи из морга для местной газеты. У Натали есть тайна: осматривая экспонаты, она видит гораздо больше, чем обычные люди. Благодаря своему дару Натали может разоблачить убийцу. И сделать это нужно раньше, чем он разоблачит ее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114129-5

© Здрок Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джоди Линн Здрок Спектакль

Париж, 29 июня 1887 г.

Глава 1

Натали считала, что если нужно написать о смерти, то требуется два слова, не более.
«Она умерла».

Или «он умер».

Что еще скажешь? Этого довольно. Зачем приукрашивать смерть? Вот закончилась история чьей-то жизни, и мысли человека, все его мольбы и чувства сошлись в одну финальную точку. Все мы знаем, что это значит или должно значить, если задуматься.

Прошедшие две недели показали ей, что большинство людей вообще об этом не думает. Не так. «Она умерла» – это не конец истории. Иногда это только начало.

Такие мысли проносились в голове Натали, пока она осматривала ряд соломенных шляпок, курительных трубок и тростей, тянувшийся за ней. Было маловероятно, что кто-то из этих людей закончит свои дни здесь. Сюда их привела смерть, дразня любопытство, чтобы показать, что с ними станет. Но не сейчас. Сегодня чья-то еще очередь умереть.

Ворона уселась на табличку с надписью «Свобода, равенство, братство», установленную на основе из каменных колонн. Эти слова были будто выжжены на веках Натали, оставаясь с ней, даже когда она отворачивалась и моргала.

Еще восемь человек – и потом она сможет войти внутрь.

Она предполагала, что ждать придется дольше обычного, учитывая стремительное распространение новостей этим утром, но не думала, что *настолько*. Даже наблюдение за людьми, ее вечное развлечение, уже надоело. Мать рассказывала своему ребенку сказку о Красавице и Чудовище (малышка радостно завизжала, когда Чудовище снова стало человеком), пожилой господин сипло кашлял (она подумала, что он наверняка следующим и умрет). Американская пара обсуждала какую-то «Флориду» – этого слова она на уроках английского не слышала. Тучный мужчина в белых перчатках (в такую-то жару!), женщина, которая все вертела свой зонтик, что-то напевая под нос. Британский пьянчуга в потрепанном цилиндре, который забрел сюда, попеременно ругая цены на абсент и королеву Викторию; его прогнал зритель. Ну, есть предел любопытству, которое можно проявить к людям в очереди по прошествии целого часа. Даже бродяги потеряли интерес.

Солнце, которое не показывалось уже несколько дней, выглянуло как раз к приходу Натали. Жара нарастала, люди в очереди начали потеть, и вскоре вонь Парижа достигла ее ноздрей.

Она вчера воспользовалась мочалкой, а окружающие, судя по доносившейся смеси духов и вони, пренебрегали ею который день. Правда, она только выздоравливала от простуды и ее обоняние и вкус еще были притуплены. Но и заложенным носом она чувствовала резкие нотки этого отчетливого запаха.

Натали вытянула из сумки блокнот и набросала пару заметок о солнце, поте и вороне. Месье Патинод сказал ей обращать внимание на детали независимо от того, важными они ей кажутся или нет, потому что второстепенные ремарки в статье иногда «как кофе для усталой истории».

Кто-то коснулся ее руки. «Цветы, мадемуазель?» Это была старушка, сновавшая по тротуару с букетами на продажу, одна из многих торговцев, которые стремились прельстить своими товарами вечно стоящую здесь толпу. Наверное, она родилась еще при Наполеоне, подумала Натали. Ее кожа состарилась от времени и воспоминаний, а глаза выдавали отчаяние или скуку. А может, и то и другое сразу.

Женщина подняла желтые цветочки, чтобы Натали могла их рассмотреть.

Яркие. Полные жизни. Воплощение лета.

«Моей матери понравился бы этот букет», – подумала Натали. Папа всегда приносил маме цветы в день своего возвращения. К сожалению, до этого еще много месяцев: он был в море с апреля и вернется только в сентябре. Матери яркое пятно сейчас будет очень кстати. Ее выздоровление было унылым и болезненным – каким угодно, только не солнечно-желтым.

Натали засунула блокнот и карандаш обратно в сумку. Она пошарила в карманах платья, пока не нашла пару сантимов. На монетах также была надпись «Свобода, равенство, братство», девиз Французской Республики, которым государство неистово помечало все, что только могло.

– Этого хватит?

Старушка взяла несколько монет из ладони Натали, не все.

– Столько, – сказала она хрипло. – Держи.

Она передала Натали цветы и ускользнула. Натали сосчитала оставшиеся монеты перед тем, как вернуть их в карман. Хорошо. У нее еще хватит на кафе.

– Красивые цветочки, – произнес детский голос позади нее.

Натали обернулась. Она не понимала, зачем сюда приводят детей, хотя видела их здесь постоянно. Кареглазая девочка, трехлетняя копия своей миниатюрной матери, ухмылялась из-под шляпы с красной лентой.

– В таком случае, – сказала Натали, вытягивая цветок из букета, – один – тебе.

Девчушка засияла, взяв его у Натали.

– Гляди! – Она поднесла цветок к матери, на фоне голубого платья которой он казался еще ярче. – Это мне!

Натали улыбнулась и снова повернулась вперед. Всего четыре человека отделяют ее от входа. Девочка говорила с цветком как с новым другом. Ее голос сливался с фоновым шумом по мере нарастания нетерпения Натали.

Родители не разрешали ей сюда ходить до пятнадцати лет, и она почти всегда повиновалась, кроме одного раза, когда ей было тринадцать. Человек повесился и был обнаружен только через неделю; газеты пестрели такими дразнящими подробностями, что они вместе с Симоной, авантюрной союзницей на год старше и с менее строгими родителями, в один день не смогли устоять и отправились сюда после школы. Лицо человека, или то, что было его лицом, напоминало подтаявший воск. Симона доложила, что на целый день потеряла аппетит, а Натали неделю снилось, что его тело лежит у нее в кровати.

И все же, как и многих людей, это переживание манило ее с такой же силой, как и отталкивало.

Старик впереди нее сплюнул кровью перед тем, как зайти внутрь. Обходя пенящийся плевок, Натали последовала за ним.

– Минуту. – Смотритель поднял руку.

Она посмотрела через его плечо. Обзор закрывало деревянное ограждение. Через минуту (а показалось, будто через двадцать) смотритель жестом показал Натали войти в городской морг.

На виду была дюжина тел, но только одно приковывало внимание толпы. Так обычно и бывает с жертвами убийства. Морг был – по крайней мере, формально – способом идентифицировать найденные в общественных местах тела. Парижане шли сюда потому, что это – зрелище, как великий собор Парижской Богоматери, стоящий перед ним. Ходили слухи, что бродяги хотели быть частью «шоу» и иногда просились провести ночь на здешних плитах, чтобы не спать на улице.

Зайти в морг – это как ткнуть в ребра саму старуху с косой, сказав ей, что она завораживает. Потому что если она завораживает, то она не страшна. Смерть – это то, что бывает с другими.

Несколько лет назад был один убийца, который разрубил женщину пополам. Он отправил ее плыть по Сене, разложив по паре коробок, и так ее в морге и демонстрировали. Папа сказал, что это привлекло самые большие толпы, которые он только видел.

Натали все еще не могла разглядеть тела. Люди столпились на левой стороне секции осмотра, обозначая заветное место на карте макабрических сокровищ. Симпатичный молодой работник морга стоял, как и почти каждый день, у темно-зеленой занавеси по другую сторону стекла. С внимательным, пристальным выражением лица смотрел он на толпу. Она всегда на него заглядывалась, но отворачивалась, как только чувствовала, что он может поймать ее взгляд. И сегодня – тоже.

Несколько человек наконец освободили место, и она встала за группой людей. Несмотря на свой немаленький рост, она все еще ничего не могла увидеть, кроме спутанных песочных кудрей бедной жертвы да заляпанного кровью розового платья, которое висело за ней. Натали стала рассматривать остальные одиннадцать тел, похожих на восковые фигуры, разложенные по плитам. Со вчера добавился один новенький – загорелый и неприметный мужчина, с ним получалось всего девять мужчин и две женщины. В былые дни постоянный поток воды стекал сверху для охлаждения плит, непрерывно освящая эту неприглядность. Теперь же тела часами находились в холодильнике, а затем демонстрировались охлажденными, напоминая поезд для перевозки мяса.

Позади тел висела одежда, в которой они были найдены, так же как за жертвой было повешено ее платье. Мертвые лежали там обнаженными, только тряпочка прикрывала интимные места. Большинство из них здесь находились по несколько дней, пока демонстрационная комната не могла их больше сохранять. Затем фотографию тела помещали на деревянное ограждение еще на какое-то время. Если только кто-то не опознавал его – то есть знал человека по имени, а не просто как тело на плите – то его забирали и хоронили с другими неизвестными.

Группа задвигалась, когда несколько зрителей покинуло комнату. И когда она увидела, действительно увидела, воздух из легких Натали покинул комнату тоже.

Красные порезы зияли на плоти молодой девушки, насмехаясь над ее вечным молчанием. Скорее девочка, чем женщина, с полными губками и пухлыми щечками. Одна сторона ее лица была сплошным синяком, ужасающей палитрой фиолетовых, голубых и красных оттенков.

Другая же – рассечена, как свиное брюхо на бойне. Глубокие ножевые раны спускались от правого уголка ее рта до середины шеи и к ключице.

Натали вдруг осознала, что крепко сжимает ворот своего платья, и разжала пальцы. Она стала переминаться с ноги на ногу, не в силах отвести взгляд от жертвы. Никогда еще ей не доводилось видеть труп, истерзанный так люто.

Кто бы это ни сделал, его ждет гильотина. Натали хотела бы это увидеть, так же как желала присутствовать на казни того ужасного убийцы Пранзини. Любой убивший двух женщин и девочку – в их собственных постелях! – заслуживает этого, думала она, как и тот монстр, который убил эту девушку.

Пожилой мужчина за ней хрипло вздохнул. Тихо и нежно он прошептал: *“Requiem Aeternam dona eis, Domine. Et lux perpetua luceat eis”*.

Натали узнала эту похоронную молитву. «Боже, даруй ей вечный покой. Да воссияет над ней вечный свет». Воистину.

Она наклонилась к стеклу, сглатывая комок в горле. Анонимность добавляла делу жестокости. Девушка в залитом кровью платье, жертва; вот все, чем она сейчас являлась для людей.

Девушке было не больше семнадцати-восемнадцати лет. Ее веснушчатая кожа пожелтела и раздулась еще сильнее, чем на других телах, несомненно, потому, что ее вытащили из Сены. При жизни она наверняка была хорошенькой.

«Как тебя зовут, несчастная душа?»

Маленькая девочка, затихшая при входе, теперь хныкала позади нее.

– Тут слишком темно, – сказала она. – Мне здесь не нравится.

Натали никогда не боялась темноты, даже в детстве.

Ей, скорее, было интересно, что скрывается в потемках.

Она слышала стоны девочки, затем шепот и шелест материи. Натали глянула назад. Ребенок спрятался в юбках матери.

Натали держала букет в левой руке и теперь поднесла его поближе к себе. Цветы на пути к разложению с того самого момента, как их срезали, но они все еще благоухали скорее жизнью, чем смертью. Она склонила голову к стеклу, чуть не касаясь его.

– Домой, мама. Домой. – Тихий, приглушенный голосок девочки перешел в плач.

– МАМА! – Детский вопль отразился эхом десятикратно. Натали подскочила, как пугливый жеребенок, задев стекло.

В ту же секунду она оказалась в другом месте, будто поезд подхватил ее из морга и сбросил на следующей станции. Она стояла на коленях в комнате. Кабинет, похоже, или гостиная.

Рядом с ней лежала та убитая из морга.

Мертвые глаза девушки были открыты, и кровь стремилась в обратном направлении, втягиваясь в раны. Все происходило наоборот: раны затягивались, истерзанная плоть становилась гладкой, пока нож взлетал над ее лицом и шеей, исправляя нанесенные повреждения. Ее веки закрылись, как ставни. Жизнь влилась в лицо жертвы; она перекачивалась с боку на бок, разевая рот, но не издавая ни звука. Бедняжка была так близко к Натали, что до нее можно было дотронуться.

Но она не стала дотрагиваться, не могла, потому что снова оказалась в морге. Ахнув, она отдернула дрожащую руку от стекла.

Ее взгляд все был на жертве. Натали приходилось наблюдать уличные мужские драки. Однажды она видела, как мужчина грубо схватил женщину за руку, и это не давало ей покоя потом всю ночь. Она никогда, никогда не видела, чтобы мужчина ударил женщину. Не говоря уже... о таком.

«Что это вообще такое было?»

Она подняла дрожащую руку и снова дотронулась до стекла. Ничего.

Работник морга за стеклом взялся за темно-зеленую занавесь, готовый задержать ее, как они всегда делали, когда перекладывали тела. Он обменялся взглядом со зрителем.

Натали чувствовала себя так, будто только проснулась от дремы, уже в сознании, но еще далеко. Как будто увиденный ею кошмар был одновременно и реальным, и нереальным. И, конечно, только один вариант мог быть правдой.

Она опустила взгляд на свою руку. «Почему я держу цветы?»

Пока она рассматривала букет, к ней приблизился зритель.

– Мадемуазель, – прошептал он, – не пройдет ли вы в ту дверь слева?

Он показал на деревянную дверь сбоку от витрины. Был ли у нее выбор, кроме как подчиниться? Неохотно кивнув, Натали переместилась к двери и стала ждать. Задумалась, не превратит ли ее в камень уродливая Медуза с волосами-змеями, вырезанная в центре двери.

– Вы поняли, что она сказала? – шелестел шепот, озабоченный, тревожный, с едва сдерживаемым страхом.

– Нет, я был недостаточно близко, – произнес кто-то приглушенно. – Никогда не видел ничего настолько... жуткого. Как будто со спиритического сеанса.

Натали, уже понемногу приходя в себя, обернулась и увидела, что почти все в комнате смотрят на нее. Толпа была очень плотная, а комната – слишком темна, чтобы рассмотреть лица в задних рядах. Но у нее не было сомнений, что смотрели и они.

«Что я сделала? Что они видели?» Вопрос увял у нее на языке, когда она заметила, что все отводят глаза. Мать с ребенком, стоявшие за ней в очереди, исчезли. Она оглядела комнату. Заметила растоптанный желтый цветок у двери, такой же, как у нее в загадочном букете.

Натали смотрела на раздавленный цветок на полу и вспоминала последнюю пару минут. Она помнила, как входила в морг, как вскрикнула маленькая девочка; помнила, что испугалась от неожиданности и прикоснулась к стеклу. И, конечно, помнила галлюцинацию, осознанный кошмар, или как его еще назвать.

Все это она помнила хорошо, достаточно хорошо.

Снова повернувшись лицом к двери, она погладила лепестки цветов трясущимся пальцем. «Так почему я тогда не могу вспомнить, откуда у меня эти цветы?»

Глава 2

Натали уставилась на дверь, на точку чуть повыше клубка змей Медузы.

А затем одна из них зашипела на нее.

Она подпрыгнула. «Это невозможно».

Невозможно ли? Гляди, что случилось с витриной. Или не случилось. Она не знала, чему верить. Натали протянула руку, чтобы провести по змее, но быстро отдернула. Что если прикосновение к двери опять забросит ее в это... это место?

Она сглотнула и отошла на шаг, и в этот миг кто-то распахнул дверь.

– Я вас испугал? Боюсь, эта дверь заедает в жару. – Молодой работник морга жестом пригласил ее войти. Вблизи она увидела, что ему слегка за двадцать лет, ростом он на пару сантиметров ниже ее и у него самый идеальный на свете нос, а также немного кривой верхний клык, очаровательный своим несовершенством.

– Вижу, вы купили цветы у мадам Валуа?

Она переступила через порог, вздрогнув, когда проходила мимо Медузы.

– Я... не знаю...

Он закрыл дверь.

– У той старой женщины, которая продает цветы у морга.

– Видимо, так, – сказала Натали. Она засунула руку в карман и поняла, что монет стало меньше. Наверное, так и было. – То есть да.

– Извините, – сказал он и улыбнулся. – Откуда вам знать ее имя? Я забыл, что не все тут проводят дни и ночи.

– Не считая мертвецов, – сказала Натали, наконец не забыв улыбнуться.

Он вскинул красивую бровь:

– Остроумно. И, кстати, об именах – вы мадемуазель?..

– Боден. Натали Боден.

– Очень приятно, – сказал он, протягивая руку. От него пахло чем-то ароматным – что-то такое древесное с лемонграссом? – Я Кристофер Ганьон, представитель префектуры полиции в морге, и хотел бы задать вам пару вопросов. Следуйте за мной, *s'il vous plaît*¹. – Он становился серьезнее с каждым словом.

Она пожала его руку, молча извиняясь за свою вспотевшую ладонь.

– Месье Ганьон, я... я здесь просто для того, чтобы посмотреть, как и все остальные. Что вы хотите знать?

Вместо ответа он повел ее по извивающемуся коридору.

Она вдохнула, с облегчением отметив, что в воздухе не пахнет тухлым мясом. Запах был резкий, но терпимый: смесь едва заметного разложения и химикатов.

Они прошли мимо открытой двери. Она заметила парня, обмывавшего костлявое мужское тело, и ахнула; тот посмотрел на нее и быстро захлопнул дверь. Завернув за угол, она увидела открытый выход. Двое мужчин несли носилки. «Нашли его в гостиничном номере», – сказал один из них, когда они пронесли мимо пухлое тело, накрытое простыней, и вошли в комнату с табличкой «Аутопсия».

Натали показалось, что ее желудок выдернули наружу, а потом запихнули обратно.

– Мадемуазель...

Она перевела взгляд с месье Ганьона на комнату аутопсии и обратно на месье Ганьона.

– Ничего. Я в порядке.

¹ Пожалуйста (*фр.*).

Он кивнул и зашел в тусклую комнату без окон, но со столом и двумя стульями, неудобными на вид, и набитым доверху книжным шкафом со всякой всячиной, от путеводителей по Парижу до потрепанных романов. На верхней полке виднелись большие серые обложки с пометкой «Фотографии», упорядоченные по годам, начиная с 1877-го.

– Так... жертва убийства. Вы ее тоже сфотографируете? Или только если ее никто не опознает? – Натали показала на книги.

– Мы всех фотографируем, – сказал он сухо, подходя к столу. Как будто это не было захватывающим делом – каталогизировать трупы. Как будто у каждого трупа, проходящего через морг, не было своей истории.

Напротив книжного шкафа было единственное украшение на стене – грубая репродукция картины, изображающей аутопсию. Группа мужчин стояла вокруг тела, пока один готовился сделать надрез, а другой скручивал сигарету.

Месье Ганьон пригласил ее присесть и, если пожелает, положить цветы на краешек стола. Она так и поступила. Он устроился за столом напротив нее, собирая какие-то бумаги и перекладывая их, возможно, усерднее, чем требовалось. В нем проглядывало стеснение, которое он тщательно прятал; он старался, как она догадалась, выглядеть старше. Его большие голубые глаза обладали такой остротой, будто замечали все сразу, как птицы.

– Аутопсия на картине? – кивнула она на нее.

– Отвратительно, не правда ли? – сказал месье Ганьон, поглаживая подбородок. – Подарок одного уличного художника, который продает картины тут, поблизости. Это репродукция другой картины, думаю. Как бы то ни было, мы здесь с вами не для того, чтобы обсуждать искусство, мадемуазель Боден.

А, он один из *этих* мужчин, что любят напускать на себя «официальный вид», как Натали это называла. Такой же, как тот напыщенный, раздражительный работник магазина на втором этаже Le Bon Marché, прогнавший ее из пустого читального зала «только для мужчин».

– Так *что* мы будем обсуждать? – Натали откинулась на спинку стула.

– Мы будем обсуждать жертву убийства. – Он придвинул к себе чернильницу. – Моя обязанность – задокументировать свидетельства опознания.

Она сглотнула, хотя во рту у нее было сухо.

– Я не могу ее опознать.

– Но вы выглядели так, будто узнали ее, – сказал он, сцепляя руки в замок на столе.

Дыхание Натали сбилось. Она чувствовала себя почти обнаженной, будто сидела в задранном до колен платье.

Разумеется, она не могла рассказать ему, что произошло, и, пока сама не разобралась с этим, лучшим выходом было притвориться, что ничего необычного не случилось. Ей нужно отсюда убраться, пока он не засыпал ее вопросами.

– Я незнакома с ней и сегодня впервые в жизни ее увидела. Могу я идти? Мне нужно работать.

Натали знала, что он подумает, будто она имеет в виду работу по дому вроде стирки, или что там еще делают другие девушки ее возраста. Не «писать колонку для самой популярной газеты Парижа». Ему ни за что не придет в голову, что уже две недели шестнадцатилетняя девчонка пишет ежедневные репортажи из морга. Никогда еще женщина, любого возраста, не писала для *Le Petit Journal*. Месье Патинод, главный редактор и давний друг папы, дал ей работу, потому что мама не могла трудиться после пожара и еще долго не сможет. Если вообще когда-нибудь будет способна.

Он достал перо из чернильницы и начал писать.

– Мне тоже нужно работать. Вообще-то, именно этим я сейчас и занимаюсь. Приступим?

– Да, простите. Мне нужно кое-что закончить к определенному времени, и у меня... – «у меня сейчас больше вопросов, чем ответов». – Продолжим.

– Ваша реакция была... странной. – Он поглядел на картину на стене, потом снова на нее. – Выражение вашего лица с простого наблюдения сменилось отрешенным, но при этом пораженным. Как будто несчастная девушка встала с плиты и направилась к вам.

– Ничего такого она не делала, – сказала Натали, с трудом удерживая голос от дрожи. – Иначе вы бы это тоже увидели.

Месье Ганьон стиснул зубы. Он смотрел на нее взглядом, которым награждали ее учителя, когда она говорила без спросу.

– Это было неучтиво. Прошу меня извинить. – Она заерзала на стуле. – Я сегодня сама не своя, и я спешу.

Убраться отсюда. Подумать. Успокоиться после того, что случилось здесь, чем бы оно ни было.

– Мы почти закончили, – сказал он, постукивая кончиком пера по подбородку. – Еще вы что-то сказали. Я не расслышал из-за стекла, но услышали стоявшие рядом с вами люди, судя по их реакции.

Видение с событиями наоборот снова пронеслось в ее голове. Беззвучные крики, борьба жертвы, втекающая в раны кровь.

Как она могла объяснить то, чего не понимала сама?

Она заметила, что руки ее дрожат, и зажала их между стулом и ногами. Месье Ганьон ждал, перо парило над бумагой. Она должна была дать ему хоть какой-то ответ.

– Мне показалось, что я узнала ее. – Пот щекотал ее брови. – Я... я поняла теперь, что обозналась.

Месье Ганьон что-то записал, и это было длиннее того, что она сейчас сказала. Он поднял на нее взгляд, поскреб подбородок пером:

– Вы уверены?

– Да, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. «Давай правильные ответы, чтобы можно было уйти». – Я просто разволновалась. Она... она была такого же возраста, как и я. Уверена, что я среагировала на это.

Черты лица месье Ганьона смягчились.

– Понимаю, – сказал он.

– Но при этом все же мне не верите. – Натали склонила голову. – Или верите?

Мягкость рассеялась как утренний туман. Месье Ганьон уронил перо. Откинувшись назад и сложив руки на груди, он, казалось, набрал полные легкие воздуха, а потом выпустил его весь через нос, все это время неотрывно сверля ее глазами.

Натали выпрямилась на стуле и встретила его взгляд. Если она его не убедила, что тогда? Она может застрять тут на долгие часы. Только этого не хватало – не успеть сдать статью в срок. Как будто она и так уже не сомневалась, что сможет сосредоточиться на написании, и...

– Вы не очень-то умеете лгать, мадемуазель. Что-то вы от меня утаиваете.

У Натали не было на это ответа, потому что будь она на его месте, то испытывала бы такое же недоверие.

– Я спрошу последний раз, – сказал он. Его голос был осторожным, контролируемым, но не звучал недобро. – Вы можете опознать жертву?

Как он умудрялся одновременно быть таким красавчиком и таким надоедой?

– Нет, и не имеет значения, как вы сформулируете вопрос или сколько раз его зададите. Я сегодня увидела ее впервые в жизни.

Он склонил голову с озадаченным выражением лица:

– Мадемуазель Боден, должен сказать... вы очень...

Громкий стук в дверь прервал его. Он извинился и пересек комнату. Не успел он открыть дверь, как в нее постучали повторно. Затем раздался мужской голос:

– Кристоф!

Он открыл дверь и вышел в коридор, оставив дверь приоткрытой, ровно настолько, чтобы Натали смогла уловить обеспокоенность в их шепоте.

– О боже, Лоран, – голос месье Ганьона стал выше. – Уже?

Вскоре он заглянул обратно в комнату:

– Благодарю за уделенное время, мадемуазель Боден. – Он распахнул дверь, пожав плечами. – Мне жаль так рано обрывать нашу встречу. Дело чрезвычайной важности требует моего внимания.

– Конечно, – сказала она, вставая, взяла сумку и букет. Приблизившись к месье Ганьону, она не могла не отметить его одеколон с ароматом лемонграсса, который посреди всей этой смерти был полон жизни и свежести.

– А, да, можете выйти через задний ход, – сказал он, указывая на дверь, через которую мужчины вносили тело. Когда они дошли до нее, он открыл дверь для Натали. Она торопливо поправила ремень сумки и уронила букет.

– Ой, – сказала она, нагибаясь, чтобы собрать цветы. – Я такая неуклюжая. Извините.

Он опустился на колени, чтобы помочь ей.

– Мы начали разговор с цветов мадам Валуа, ими же и закончили, – сказал он, подавая ей букет. Возможно, он улыбался, но она была слишком смущена, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Так и есть, – подтвердила она, выпрямляясь одновременно с ним. Она посмотрела на бутоны, все еще не помня момента их покупки. Может, вспомнит потом.

Натали вышла на улицу и проскользнула мимо торговца, продававшего «пасту из морга», которая был всего-навсего мазью с броским названием.

Месье Ганьон крикнул ей вслед:

– Будьте осторожны, мадемуазель Боден. – Тон его теперь был менее формальным, с вплетенной ноткой беспокойства. – Париж сейчас не место для прогулок молодой женщины в одиночку.

Глава 3

Натали опять смахнула карандашом крошки со стола. Она делала так постоянно, независимо от того, были они там или нет, после каждой написанной пары слов в статье про морг. Слова плавали по ее блокноту, как заблудившиеся рыбки.

Ей казалось, что она видит кровь.

Но это были лишь чернила.

Снова и снова.

Наконец она закончила писать, закрыла блокнот, решив дать статье время отлежаться перед тем, как прочитать ее еще раз.

Хотя она уже давно доела свою булочку с шоколадом, ее никто не гнал. Жан, ее любимый официант, видел, что она работает, поэтому не беспокоил.

Воробей прыгнул к крошкам, поклевал, пока не съел их все, и склонил голову.

«Кажется, тебе сегодня досталось больше от булочки, чем мне. Зря перевела свою любимую сладость». Эти круассаны, наполненные шоколадом, манили ее, сладкоежку, каждый раз, когда она приходила в Café Maxime. Ее подруга Агнес их тоже обожала.

Это ей кое о чем напомнило. Ей нужно было написать ответ Агнес, которая уже успела прислать ей и открытку, и письмо. Может, завтра. Сегодня она была не в том состоянии.

Она взяла блокнот и положила его в сумку. Будто по сигналу из него выпала открытка, полученная четыре дня назад. Она перечитала ее.

Привет из Байе!

Водяное колесо вживую гораздо красивее. Сама увидишь – надеюсь, уже в следующем году!

Погода все еще великолепная. Бабушка по-прежнему печет каждый день.

Роже такой же надоеда.

А я продолжаю мечтать, чтобы ты приехала.

Bisous²,

Агнес

Натали перевернула открытку и провела пальцем по нарисованному водяному колесу. В следующем году. Возможно.

Она потеряла виски и на мгновение закрыла глаза. Кровь. Нож. Беззвучные крики. Порезы.

Воробей чирикнул у лодыжки, резко выдернув ее обратно в настоящее.

«Не надо туда. Оставайся в настоящем. Посмотри вокруг».

Натали смахнула последние крошки на землю и огляделась. Она так глубоко задумалась, что до сих пор не замечала людей вокруг.

Кафе, из которого открывался великолепный вид на собор Парижской Богоматери, было набито битком, несмотря на жару. До Натали долетали обрывки разговоров поблизости. Двух девушек она узнала, они учились на год старше, сейчас они обсуждали, как пойдут за покупками после обеда. Группа элегантных пожилых мужчин позади нее дымила сигаретами, вспоминая Париж своей юности. Один все говорил и говорил о том, как Осман, увлеченный реновацией префект департамента Сена, «разрушил город» в 1850–60-х, чтобы проложить бульвары. А это, фыркнул мужчина, «всего лишь превратило Париж в один сплошной передвижной цирк». Другой жаловался на закладываемый фундамент для «железного уродства», которое спроектировал Эйфель. Некоторые люди устроили вокруг постройки шумиху, говоря, что это

² Целую (фр.).

будет бельмо на глазу, но Натали считала, что проект башни выглядел очень увлекательно. Пока что там были только сваи и куча металла.

Натали вложила открытку от Агнес в блокнот и уже собиралась позвать Жана, как ощутила укол вины. Агнес была одной из ее ближайших подруг, и Натали уже отставала в летней переписке. Она представила, как та ждет почту, каждый день разочаровываясь.

Натали сунула руку в сумку и достала открытку с рекой Сеной. На ней уже стоял штамп, поставленный ею два дня назад. Она смотрела на него, казалось, целый час. Время сегодня тянулось и ускользало от нее.

Тронув карандашом открытку, она выплеснула все мысли, которые только приходили в голову, не останавливаясь ни на мгновение.

Привет из нашего любимого кафе!

Я только доела сама знаешь что и собираюсь писать свою статью. Жан передает привет.

Мой день, как я помню его, настолько странный, насколько только можно представить. Мне нужно тебе кое-что рассказать, и я это сделаю в письме. Меня все еще трясет, так что извини за почерк.

Скоро напишу больше,

Ната

Едва закончив писать, она встала из-за стола, проскользнула между парой горшков с разросшимися растениями и бросила открытку в почтовый ящик.

Сев на место, она уже пожалела о написанном. Чересчур загадочно и туманно. Но не могла же она *рассказать* о произошедшем на этом клочке бумаги. Равно как и не могла притвориться, что сегодня был самый обычный парижский летний день.

«А притвориться, пожалуй, стоило. Агнес подумает, что я с ума сошла».

Натали изучила почтовый ящик, пытаясь понять, можно ли просунуть туда свою длинную руку, как вдруг услышала слово «морг» из-за соседнего столика. Она покосилась на хорошо одетую молодую пару слева и чуть подвинулась, чтобы лучше их слышать.

– Наверное, проститутка уличная, – сказала женщина.

– Необязательно. – Мужчина ослабил шейный платок. – Может, она иностранка.

– А может, убийца – иностранец.

Он задумался:

– Манера убийства выглядит вполне немецкой.

– Или русской, – сказала она, потягивая вино. – Они вообще дикари.

– Эти порезы были точными, а не дикарскими. Он мог быть хирургом или вроде того.

Тут к ним подошел Жан, и они спросили, что он думает по поводу того, кто жертва и кто убийца. Любовная ссора, предположил он. Это перешло в пересказ того, что Жан сегодня подслушал в кафе, и трое сплетничали так долго, что другой официант демонстративно покашлял, чтобы напомнить, что другой столик заказал еще вина.

Людам хочется понять, что к чему, объяснял ей месье Патинод, когда нанял. А чего они не знают – додумывают.

«Что бы мне такое додумать? Я могу сказать, что это просто мое воображение».

Что-то типа видения? Нет, галлюцинация от жары. Наверняка этим оно и являлось. Неизвестность терзала ее. Снова.

И снова.

И снова.

Ее взгляд упал на желтые цветы, увядающие на глазах. Сколько раз она ни прокручивала в голове события этого утра, но не могла вспомнить, как покупала их.

– Чего-нибудь изволите, мадемуазель Боден? – Жан возник у нее за плечом с улыбкой.

«Да, принесите, пожалуйста, мою память. А, да, и я видела сцену убийства в действии, в обратном порядке. Позвольте, расскажу вам».

Звучало как то, что могла бы сказать тетя Бриджит.

– Только чек, Жан. Спасибо.

Тетя Бриджит, которая была в психиатрической лечебнице.

* * *

Натали неслась по набережной Сан-Мишель, запыхавшись после того, как чуть не столкнулась с конной повозкой, и пересекла мост, который вел на остров Сите. Она пробежала мимо собора Парижской Богоматери, стоящего прямо перед моргом, и восхитилась его великолепием на фоне безоблачного синего неба. Она видела средневековый собор уже сотни раз, но ее по-прежнему поражали его гигантские башни-близнецы. Ребенком она дала имена некоторым горгульям на самом его верху и до сих пор приветствовала их, проходя мимо. Она привычно посмотрела вверх на Абиляра, Тристана и Бруно. Абиляр склонялся вперед, будто неодобрительно покачивая головой в ее адрес.

«Нет. Это нереально. Тебе все еще мерещится».

Она сосредоточилась на своей статье, проверяя ее на ходу, и остановилась у бронзовой конной статуи Карла Великого.

Ей пришлось с усилием выдергивать себя из этого сна, из видения, или что это вообще такое было, чтобы писать свою статью с ясной головой. Обычно слова срывались в танце с кончика ее карандаша, но сегодня они спускались на бумагу на цыпочках.

«Заканчивай каждую статью на высокой ноте, – посоветовал месье Патинод в первый день ее работы. – Настолько высокой, чтобы они с нетерпением ждали завтрашнего дня, когда можно будет купить газету с твоей следующей колонкой».

Перечислив тела, которые оставались с предыдущего дня, и добавив загорелого мужчину, Натали остановилась. У нее не было привычки расписывать отвратительные детали, но она знала, что месье Патинод потребует подробного описания.

Самым интересным трупом из всех была молодая женщина, выловленная из Сены, жертва убийства. Ее юные черты, искаженные кошмарными порезами, не выдавали ни тени ужаса, испытанного перед безвременной кончиной от рук, несомненно, холодной, нездоровой души.

Вот так. Два содержательных предложения. Так много недосказанности. Написано так, будто она каким-то образом была свидетелем убийства. Докладывает о нем бесстрастным тоном, словно оно не потрясло ее до глубины души и эту колонку написала не она.

По крайней мере, ощущения были именно такие. Все ее ощущения были такими с той самой минуты, когда она прикоснулась к тому стеклу. В своем теле, но при этом будто и не в нем. В своей голове, но будто не в ней.

Она перечитала последнее предложение и снова зашагала.

– Внимательнее!

Глаза Натали метнулись с блокнота на бродягу, прислонившегося к постаменту статуи; она не заметила его и чуть не наступила ему на ногу.

– Извините.

– Не волнуйся, девочка, – голос его был куда ласковее, чем предполагало выражение лица.

Девочка? Никто ее так не называл уже много лет.

Странно.

Натали вежливо кивнула мужчине и пошла дальше.

– Девочка! – позвал он ее. Голос его теперь звучал ниже и имел механические нотки. – С мертвыми цветами в руках и некрасивыми костлявыми ногами. Я их вижу через твоё платье.

Натали остановилась, но не обернулась. Её оранжевое платье было из льна, многослойное, длиной до лодыжек, совершенно непрозрачное.

Холодок пробежал по её шее.

– Я все вижу. Как будто на тебе ничего не надето.

«Он сумасшедший».

– Посмотри на меня, я святой Франциск Ассизский! Я без одежды!

«Не смотри».

Мужчина загоготал.

Полдюжины голубей сорвалось с земли позади, испугав её. Она продолжила свой путь под бормотание мужчины. Пройдя несколько шагов, она услышала его крик – как тот детский вопль, который напугал её в морге. Натали глянула через плечо и увидела, что он раздевается, снимая один предмет одежды за другим.

Было похоже на её первый визит в психиатрическую лечебницу Св. Матурина.

Её родители пошли навестить тетю Бриджит и сказали Натали оставаться дома, как и в прежние годы. Психбольница – не место для маленькой девочки, говорили они, когда она спрашивала (много раз), можно ли ей тоже поехать. Они так говорили уже давно. Тот факт, что всего за день до этого кузен Люк назвал её малявкой (ей было одиннадцать, так что это прозвучало весьма оскорбительно), усилил её негодование по поводу того, что она «слишком мала» для чего-то. Так что Натали заявила, что проведет день с Симоной, как она часто и делала, когда родители уезжали в больницу Св. Матурина. Но в тот день она последовала за своими родителями, оставаясь на таком расстоянии, которое позволяло ей следить за их поворотами.

Над входом была рельефная надпись серыми каменными буквами с контуром из черной сажи: «Психиатрическая лечебница имени Св. Матурина». Она проходила мимо неё и раньше, но никогда не ступала под эти страшные слова. Пугающие сводчатые двери вели в подземную темницу (по крайней мере, так ей это представлялось).

Её тут же стала расспрашивать медсестра со стойки регистрации. Натали, запинаясь, сказала, что она здесь с родителями, пришла к Бриджит Боден, но потеряла их. Пришлось её умолять, но медсестра все-таки сказала ей, на каком этаже её тетя. Она побежала по грандиозной лестнице вверх, перепрыгивая через две ступеньки сразу.

Стоны, прерываемые воплями будто из потустороннего мира, сопровождали её на пути к лестничной площадке. Дверь в палату, уменьшенная копия входной арки, скрипнула и открылась на пару сантиметров, будто её и ждала. Запах, напоминающий кислое молоко, просочился наружу. Натали заглянула в щелку и увидела бледную женщину, стоящую на коленях в коридоре, в котором с трудом разошлись бы два человека. Высокое прямоугольное окно частично освещало лицо женщины. Казалось, что она в трансе, руки болтались по сторонам, глаза закатились.

Женщина вскочила и схватила свой больничный халат. Натали глазела на бесформенное, обвисшее тело перед собой. Она никогда раньше не видела другую женщину голой, даже маму. «Солнце! Я горю!» – завопила женщина и впилась ногтями в свою тестообразную кожу, царапая шею и грудь, пока не показалась кровь.

Натали закричала. Женщина посмотрела в сторону двери и поймала её взгляд. «Спаси меня», – беззвучно пошевелила она губами.

Тело Натали будто подбросило. Она шагнула назад, чуть не споткнувшись при повороте, рванула вниз по ступеням и вон из здания, добравшись до дома задолго до возвращения родителей.

Папа *знал*. У неё не было доказательств, и она никогда не спрашивала напрямую, но что-то в его тоне, когда он спросил о проведенном с Симоной дне, уверило в этом.

Тот случай в лечебнице стоял у нее перед глазами до сих пор, будто это случилось вчера, а не пять лет назад.

Натали прибавила шагу к трамвайной остановке, а потом сорвалась на бег. Как только она оказалась на остановке, подошел паровой трамвай. Она вместе с группой молодых ребят толкнулась в него, переполняя и до того уже переполненный трамвай.

Трамвай поехал, и почти сразу ее взгляд упал на заднюю дверь морга, у которой она тогда рассталась с месье Ганьоном.

Он стоял там, держа дверь открытой и покачивая головой. Двое мужчин открыли заднюю дверь кареты и вытягивали оттуда накрытое простыней тело на носилках.

Трамвай завернул за угол, и здание постепенно скрывало из вида эту картину у морга.

Ее сердце стучало так сильно, что она боялась: это почувствует прижатый трамвайной толпой к ее спине парень.

«О боже, Лоран. Уже?»

Затем месье Ганьон оборвал их встречу.

«Дело чрезвычайной важности».

Обеспокоенность в его голосе, когда она выходила.

«Будьте осторожны».

Теперь она поняла. Никаких сомнений.

Еще одна жертва.

Глава 4

Все время, что она ехала в трамвае, она получала тычки локтями от парней в бриджах, стоявших вокруг, и сжимала в руках свой талисман для успокоения нервов и удачи: стеклянный флакон, наполненный землей из катакомб, подземного парижского кладбища.

По сути, это был запрещенный сувенир, потому что оттуда нельзя ничего выносить. Но она вынесла – в тот раз, когда папа привел ее в катакомбы, когда ей было восемь. Она взяла горстку земли потому, что это было запрещено, и потому, что сочла: в ней будет хоть какая-то частичка мертвеца (и тогда носить ее – все равно что носить привидение). Позже она похвасталась этим своим одноклассникам, которые завидовали ее смелости. Но даже когда все уже успели об этом позабыть, она держала флакон у себя. Станным образом он был ей дорог, и она не могла толком объяснить, почему.

Сойдя на остановке на площади Республики, чуть не споткнувшись в спешке о рельсы, она положила флакон обратно в сумку. До сдачи статьи оставалось чуть больше часа. Сдав ее, она сразу отправится обратно в морг, посмотреть на вторую жертву.

Идя домой, Натали размышляла, что сказать маме и стоит ли вообще что-то говорить. Ее мать умела слушать и советовала от всего сердца. Но это было как раз одной из причин, по которым она не хотела ей рассказывать о происшествии в морге. У мамы была манера принимать слишком близко к сердцу чужие переживания, и ее настроение было особенно переменчивым после пожара. Не говоря уже о том, что мама считала городской морг отвратительным и редко там появлялась. Нет, нельзя матери об этом рассказывать.

Дом Натали находился на тихой улице с серыми многоквартирными зданиями по обеим сторонам. Она шла еще более стремительной походкой, чем обычно. Соседский черно-белый кот напугал ее, запрыгнув на стену. Смутившись от собственной пугливости, она осмотрелась. Сама улица была пуста, но сотня стеклянных прямоугольников смотрела на нее из-за покрытых копотью балкончиков и декоративных кованых решеток.

Подходя к ступенькам своего дома, она заметила спускавшуюся по лестнице знакомую блондинку с накрашенными розовым губами, в светло-зеленом плиссированном платье.

Вот к кому лучше всего обратиться, чтобы поднять себе настроение и выговориться.

– Тебя-то я и хотела увидеть! – произнесла Натали, пытаясь вложить в слова скорее радость, чем отчаяние. Она думала начать разговор как ни в чем не бывало, потому что даже не знала, как его вообще повести.

– Excusez-moi?³ Разве ты не *всегда* хочешь меня видеть?

Натали сложила руки на груди и сделала вид, что задумалась.

– Ну, иногда.

– Поаккуратнее с этим твоим чувством юмора. А то я украду у тебя эти цветочки, – сказала Симона, грозя ей пальцем. – Я только что к тебе заходила. Твоя мать сказала, что ты еще не заходила домой переодеться.

– Поверь, я тебе расскажу, почему. Но на это потребуется время. – Она поскакала вверх по ступеням и расцеловала Симону в обе щеки. От Симоны, как всегда, пахло розовой водой. – Но сначала – о тебе и о том, почему ты тут.

– Ты уверена?

– Да, уверена, – ответила Натали. – Дай-ка угадаю: ты переезжаешь обратно к родителям, потому что так сильно скучаешь по мне.

³ Простите? (*фр.*).

– Я тебя обожаю, дорогая, – сказала Симона, беря ее за руки. – Но не настолько, чтобы уйти из «Черного кота». Уж больно там весело и много парней. – Она демонстративно встала в позу «руки в боки» и захихикала.

Родители Симоны были более покладистыми, чем у Натали, но и для них выступления в кабаре были чем-то уж слишком. Прошло почти четыре месяца с тех пор, как месье и мадам Маршан поставили Симону перед выбором: либо уходи из «Черного кота» и занимайся семейным делом, либо живи где хочешь. В течение недели она переехала в квартирку около клуба в нескольких остановках на трамвае отсюда.

– И, кстати, – добавила Симона, – я знаю, что ты любишь приходить ко мне в гости.

– Только потому, что у тебя есть виноград, – поддразнила Натали. Так как во всем многоквартирном доме они были единственными детьми, то все детство играли вместе. С воображением Натали и смелостью Симоны им никогда не бывало скучно – ни в детских приключениях, ни в обсуждениях мечтаний, беспокойств и всего прочего, что подбрасывала им жизнь. Приходить в гости к Симоне на другой конец города, мягко говоря, было совсем иначе, чем спускаться к ней по лестнице в доме.

– Так если ты не переезжаешь обратно из-за меня, то что тебя сегодня привело сюда?

– Селесте опять нездоровится, – сказала Симона, нахмурившись. Ее семилетняя сестра болела все лето. – Я пришла присмотреть за ней, чтобы мать могла поработать пару часов в магазине.

– Сочувствую, Симона. Рада тебя видеть, но жаль это слышать.

Симона поблагодарила ее.

– Ну, хватит обо мне. Что ты там мне хотела объяснить?

Этот вопрос, такой простой и прямой, сразу наполнил голову Натали тысячей мыслей. Столь многим надо поделиться и так много нужно рассказать. Она прикусила губу, так как множество вариантов начала истории боролись за ее голос.

– Ты слышала о жертве убийства?

– Слышала и видела. Я зашла в морг по дороге сюда. – Симона погладила шею. – Ужасно.

– Да, ужасно. И... кое-что случилось со мной в смотровой комнате сегодня утром. Это прозвучит более странно, чем все, что ты когда-либо слышала. Пообещай, что поверишь мне, – сказала Натали, присаживаясь на ступеньку. Она уложила цветы себе на колени.

Симона села рядом.

– Поверю тебе? С чего бы мне тебе не верить?

Натали вздохнула, не зная, как начать, едва в силах осознать невероятность того, о чем собиралась говорить. И затем она рассказала Симоне все, что могла, и то, чего не могла, вспоминая начало нынешнего дня.

Симона засыпала ее вопросами, хотя у Натали было не так много ответов.

– Без звука и обратным ходом. – Симона заправила за ухо локон. – Это все очень необычно. И ты уверена, что это произошло *из-за того*, что ты прикоснулась к стеклу?

– Либо так, либо это какое-то совпадение.

– Интересно, – сказала Симона, – есть ли у тебя... ну, не знаю... какая-то связь с убийцей?

Натали переплела пальцы.

– Я об этом не задумывалась, но, опять же, кто из моих знакомых мог бы быть способен на нечто подобное?

– А кто говорит, что ты с ним *знакома*? Может, ты просто была последним человеком, кто прошел мимо него по тротуару, прежде чем он выбрал жертву.

– Звучит как сюжет из бульварного чтива. – Натали поборолла дрожь.

– Может, это была иллюзия. От жары, как лихорадочный бред. – Она произнесла это в надежде, что Симона согласится с ней.

– Может, и да. А может, и нет. Это могло быть видение... и дар. Возможно, тебе суждено что-то сделать, как-то помочь.

– Не знаю, можно ли считать то, что я увидела, *реальным*. И сказать что-то непонятное и устроить небольшую сцену не кажется мне проявлением такого уж дара, – сказала Натали. Под ложечкой появилось чувство, будто там заворочался спящий пес, когда ей пришла в голову еще одна мысль. – А вдруг это, наоборот, что-то вроде... проклятия?

Она покопалась в памяти, пытаясь вспомнить, не обидела ли кого настолько, чтобы заслужить проклятие. Вроде бы нет, но иногда люди сердились на нее, когда она спешила занять место в паровом трамвае. И еще пару недель назад была женщина на рынке, которая на нее зыркнула и пробормотала что-то на иностранном языке. Без особой причины, кроме разногласия по поводу того, кто первый в очереди.

– Non, – Симона решительно помотала головой, – не проклятие. Вокруг тебя не витают злые духи. Я бы их почувствовала.

Симона считала себя причастной миру духов. Ну, она верила в это с тех самых пор, как влюбилась в Луи, «светского и участливого» поэта, частого гостя «Черного кота». Натали еще предстояло познакомиться с Луи, но вряд ли у них за последний месяц был с Симоной разговор, в котором она не упомянула его. Он верил в карты Таро, гипноз и призраков. Около недели назад он привел ее на спиритический сеанс, и она заявила, что там вошла в контакт с духом своего деда. (Хотя Натали считала спиритические сеансы полной чушью, она все же завидовала, что Симона на таком была.)

Натали покрутила пуговку на своем корсаже.

– Что бы это ни было, я хотела бы, даже если это звучит безумно, чтобы оно произошло снова.

Симона кивнула:

– Я – тоже.

– Это точно была еще одна жертва убийства, которую они вносили в морг, – сказала Натали. – Я спрошу у месье Патинода. Он все знает.

– Спорим, он не знает, как гадать на картах Таро, в отличие от твоей доброй подруги Симоны. Когда придешь в гости, я тебе погадаю.

Натали улыбнулась, водя пальцем по стеблям цветов.

– Они мне расскажут об этом загадочном букете?

– А, для этого карты вовсе не требуются. Мне кажется, твой рассудок затуманился из-за этого видения, – сказала Симона, поднимаясь на ноги. – Ты их купила, как и сказал полицейский связной. Спорим, ты и сама вспомнишь, как только немного успокоишься.

– Наверное, – произнесла Натали, вставая. Ей вовсе не казалось, что воспоминание о цветах когда-нибудь к ней вернется. Она и так уже столько раз пыталась его вытянуть из памяти. – Как бы то ни было, мне пора переодеться и спешить со своей статьей к месье Патиноду. А у тебя, наверное, скоро репетиция?

Симона кивнула и, перед тем как развернуться и уйти, послала ей воздушный поцелуй.

– До завтрашнего вечера, Натаниэль.

С игриво-раздраженным взглядом через плечо Натали вошла в дом. Симона взяла привычку звать ее «Натаниэль» из-за одежды, которую ей приходилось надевать в *Le Petit Journal*.

Учитывая, что женщины никогда еще не писали для газеты, месье Патинод придумал кое-что, на что она неохотно согласилась. Он подумал, что лучше ее коллегам-журналистам не знать, что анонимные репортажи из морга пишет девушка. Репортер, который этим занимался до нее, Морис Кируак, получил повышение; частью договора было, чтобы он притворялся, будто до сих пор пишет их. Что касается Натали, месье Патинод попросил писать свои статьи от руки и сдавать их его секретарю, Арианне.

Также он предложил ей являться в редакцию в мужской одежде и притворяться мальчишкой-посыльным.

Мальчишкой.

Сначала эта идея была ей ненавистна. Она хотела быть Натали и никем другим. Кроме того, в штанах было жарко и неудобно, кто вообще захочет так заворачивать свои ноги в материю? Ей даже панталоны не нравилось носить.

Симона посоветовала Натали представить, что она на сцене, играет роль, потому что, по сути, это она и делала. Женщины, надевающие брюки по работе, должны были обращаться за «официальным разрешением», и месье Патинод его получил в письменном виде от префекта полиции.

Так что Натали подогнала старую папину одежду под внимательным руководством мамы, и получилось недурно. Носить брюки было непривычно, она чувствовала себя обнаженной из-за того, что штанины облегли ее тощие ноги. Пуговицы были крупные и громоздкие. Но стоило ей заколоть свои локоны, надеть кепку и влезть в тяжелые кожаные ботинки, как маскировка получалась почти натуральной.

Почти.

Но приходилось это делать все равно. Упускать возможность провести лето в Нормандии с Агнес. Работать в газете на год раньше, чем планировалось, и на более важной позиции, чем ожидалось. Носить мальчишескую одежду. Это уж точно было лето непредсказуемых компромиссов и новообретенных обязанностей.

* * *

Натали взбежала по винтовой лестнице на третий этаж. После разговора с Симоной ей стало легче, но она знала, что это временный эффект. Видение никуда не делось, как тень, ждущая за дверью, чтобы постучать в нужный момент.

А пока она приняла улучшение настроения. Оно пригодится ей, чтобы выглядеть смелой перед мамой.

Замешкавшись, чтобы расправить цветы, она открыла дверь в квартиру и поприветствовала своего белого кота Стэнли, названного так за свое чисто британское поведение (ей имя Стэнли казалось очень британским, и Симона и Агнес соглашались, что оно ему весьма идет.)

Звякнула тарелка. Стэнли повел ее в кухню, будто она не знала, откуда раздался звук. Мама убирала после обеда.

– Не надо, мама, пожалуйста. Я уберу.

Натали взяла тарелку из маминых рук и вместо нее дала ей цветы, сжимая свои пальцы поверх маминых, покрытых шрамами.

– Красивые цветы для моей красивой мамы, – сказала она. – Солнце для них слишком жаркое, как видишь.

– Вода их освежит. Они чудесные! Спасибо. – Мама вдохнула их аромат, улыбаясь. Она потянулась через стопку тарелок за вазой. – Откуда они?

– Там... женщина продавала их около морга. – Натали ощутила вину за то, что выдала логическое предположение за определенность, как будто соврала.

Мама налила воды из кувшина в вазу и поставила цветы на стол.

– И поешь, пожалуйста. Вот салат из чечевицы и немного овощей. Ты слишком худенькая, *ma bichette*⁴.

Хотя Натали была уже заметно выше матери, она оставалась и всегда будет маминым «олenenком». Она расцеловала маму в красные щеки.

⁴ Олененок (*фр.*).

– Только если ты дашь мне самой убрать со стола.

Натали поела и, несмотря на мамины протесты, убралась потом на кухне. Почти любое домашнее дело было для мамы слишком сложным с майского пожара. Ожоги хорошо заживали, но ей все еще нужно было привыкать к этому новому, замедленному ритму. Она сейчас была неумоима, не зная, чем себя занять, особенно свои руки, которые не привыкли к покою. Мама в возрасте Натали была стажеркой в Доме высокой моды Уорта и с тех пор стала швеей. Она работала в ателье, создавая вещи от повседневных платьев до великолепных костюмов для «Опера-Комик». Натали гордилась ее талантом и радовалась, как ей повезло иметь столько юбок и платьев. Мама покупала ткани со значительной скидкой у поставщика ателье, и Натали зачастую была одета в шелк, хлопок, муслин и бархат, которые иначе ее семья не могла бы себе позволить.

Мама была за кулисами «Опера-Комик», помогая с костюмами, когда это случилось. Часть зала «Фавар» загорелась от газовой вспышки во время представления, и жизнь мамы изменилась навсегда. Десятки людей погибли, многие пострадали от ожогов; некоторые говорили маме, что ей повезло выбежать, получив только ожоги рук. Мама всегда их вежливо благодарила, будто не слышала это уже в сотый раз. А Натали знала, что мама была безутешна из-за того, как ее руки, когда-то такие ловкие, были покрыты ужасными болезненными шрамами.

Хотя мама и заявляла, что могла шить и сейчас, нынешняя неловкость ее злила, и она была еще явно не готова вернуться на работу в ателье. Даже закрепить свой шиньон цвета мускатного ореха, всегда такой аккуратный, в некоторые дни было для нее сложной задачей. Она отказывалась верить словам врача, что, вероятно, никогда не обретет былой подвижности рук и пальцев, и старалась работать руками как можно больше.

Так что недоделанные платья – из роскошных тканей и практичного хлопка, вышитые бусинами и с благообразными пуговками – были развешаны по всей квартире. Призраки в виде платьев, напоминавшие маме о ее потере и счастливом прошлом. Натали не раз предлагала убрать их, но мама не соглашалась.

Натали вырвала листок со своей статьей из блокнота и положила на стол, пока мама говорила о своих утренних хлопотах на рынке, рассказывая историю о женщине, пытавшейся украсть грибы, спрятав их у себя в декольте.

– Можно прочитат твою статью? Эта даже у меня вызывает любопытство. Весь рынок только о ней и говорил.

– Да, пожалуйста. Ее было... особенно трудно написать, – сказала Натали, радуясь поводу ускользнуть в свою комнату.

Она поставила флакон с землей из катакомб на полочку, где хранила свои необычные вещицы. Кукла в одежде, сшитой мамой, нефритовый дракон, привезенный папой из Китая. Часть птичьего скелета (это дело Стэнли; останки бедной птички были на краю крыши, и, когда ветер сдул их под ее окно, она сохранила часть). Сильван, ее детский игрушечный кролик, затертый от постоянных объятий. Траурная брошь с заплетенным в косичку локоном волос ее бабушки. Пара молочных зубов Натали и сброшенные Стэнли когти, вместе лежащие в фарфоровой чашечке, которую она в детстве получила в подарок от тети Бриджит для игры в чаепитие. Сувениры из глав книги ее жизни до сего момента.

Натали сняла платье и надела рубашку и чулки. Она натягивала брюки, когда мама позвала из кухни:

– Ma bichette. Эта жертва, такой ужас. Но скажи же, что ты на самом деле видела?

Глава 5

Видела.

Откуда мама могла знать?

Натали оступилась, одна нога в штанине, другая – нет, и села на кровать, чтобы восстановить равновесие. Она оделась полностью, положила флакон из катакомб обратно в карман и вышла из спальни.

– Что я *видела*?

– Порезы, синяки. Ты преувеличила? – Мама подняла ласковые карие глаза от блокнота. Она редко бывала в морге после того, как несколько лет назад увидела там изуродованное тело человека, которого задавил поезд. Но все же она жадно прочитывала репортажи из морга каждый день.

Натали выдохнула. Ну конечно, это она имела в виду под своим «видела».

Может, стоит рассказать все маме? О том, как выглядела жертва в смотровой комнате, о сцене убийства в ее лихорадочном бреде и видении, или как его назвать. О разговоре с месье Ганьоном, неосмотрительных словах, написанных Агнес, и вероятной второй жертве.

– Совсем нет. То, что я видела... – Она не знала, как закончить предложение. Можно было рассказать маме? – Гораздо хуже.

– Мне это не нравится, – сказала мама, покачивая головой. – То, что ты на такое смотришь каждый день. Я не уверена, что хорошая идея – писать эту колонку. Писать в газету – да. Писать репортажи из морга – нет. – Она закрыла глаза, затем открыла. – Месье Патинод очень благородно поступил, дав тебе эту работу, и я не хочу выглядеть неблагодарной или еще хуже, требуя чего-то, но...

– Ты хотела бы, чтобы он поручил мне другую колонку.

– Честно говоря, да.

Это решило вопрос. Она не могла рассказать маме, что произошло. Ее изначальное предчувствие было верным, но почему-то это ее не очень успокаивает.

Мир в представлении ее мамы был очень прост; ей нужно было только шить да заниматься домом и сопутствующими делами. У нее не было сильного желания познать мир, даже Париж, если уж на то пошло, кроме тех случаев, когда дело касалось моды. И Натали предполагала, что мать предпочла бы, чтобы она писала о бальных платьях, а не о трупах.

Она не ожидала, что мама поймет привлекательность этого занятия.

– Знаю, что тебе это не нравится, мама, но мне это кажется... захватывающим. Я не хочу, чтобы он давал мне другое задание. Хочу делать все возможное, чтобы стать хорошим журналистом. Правда, надеюсь, что когда-нибудь мне не придется для этого вот так одеваться, – сказала она, демонстрируя свой наряд. – Я хотела бы ходить в твоих платьях.

Мама встала, расправляя юбку своего платья из великолепной разноцветной шелковой парчи, которое она сшила из остатков ткани в ателье. Она часто выглядела слишком нарядной для бытовых занятий и знала это, но это был ее источник гордости.

– Хотя я это и понимаю, – сказала она, старательно пряча улыбку, – но все равно буду беспокоиться. Ты же знаешь.

– Знаю. Иначе ты была бы не мама, – поддразнила Натали, подбирая статью со стола и складывая листок. – Не беспокойся: такие вещи меня не пугают.

Правда ли это, не пугают даже после сегодняшнего? Этот вопрос проник в ее голову, будто втиснулся туда силой.

Мама поправила бархатную подушку на диване.

– Ты иногда смелее, чем нужно.

– Кто бы говорил? – Натали поцеловала маму в щеку, кладя статью в сумку. – Пришло время месье Патиноду нацеплять очки на кончик носа и одобрительно кивать.

* * *

Натали поехала на двухэтажном омнибусе, полном потеющих людей и запряженном потеющими лошадьми. Ей больше нравился паровой трамвай, более современный, плавный и быстрый. Но омнибус был дешевле и, поскольку был медленнее, лучше подходил для наблюдения за людьми. Чаще всего она выбирала то, что было ближе и доступнее, потому что Натали не нравилось ждать транспорт, да и вообще ждать что-либо.

Она сошла с омнибуса на углу улиц Лафайетт и Каде. Здание, где располагалась редакция *Le Petit Journal*, было грандиозным строением, смотрящим на Париж огромным изображением монеты на фасаде.

Хотя она тут проработала всего две недели, Натали успела привыкнуть к суматошному ритму редакции. Печатные машинки стучали, мужчины шуршали листами и метались от стола к столу, а запах бумаги и чернил наполнял каждую комнату на всех этажах. Жужжание этой бурной деятельности ее пьянило. Как бы ей ни хотелось стать журналистом, сначала она негодовала, что придется променять лето на севере Франции с Агнес на работу здесь. План ее был попробовать заполучить работу в *Le Petit Journal* следующим летом, а потом еще после того, как она закончит учебу через два года. Несчастный случай с мамой все поменял, и, хотя она мечтала быть сейчас с Агнес, Натали также обожала работу репортера. Следующие два года учебы были необязательными, и, учитывая, что задача школы – научить девочек быть хорошими и правильными женами (вместо того чтобы обучать их латыни и греческому, как мальчишек), она подумывала не возвращаться туда вовсе. Это будет зависеть от ее опыта в газете, в сердце передачи информации, которая пульсировала по Парижу.

Кабинет месье Патинода был на верхнем этаже. Она приветствовала короткими кивками всех проходящих мимо, испытывая облегчение, что большинство людей, казалось, ее не замечали и трюк с переодеванием работал. Как-никак все были слишком заняты, чтобы рассматривать мальчишку, бегавшего по поручениям главного редактора.

Она постучала в стеклянную дверь месье Патинода, касаясь костяшками первой буквы «Р» в надписи «Главный редактор».

– Это... ваш посыльный.

– Входи.

Она открыла дверь и увидела месье Патинода, который читал, сидя за столом, с пишущим пером в руках. Недокуренная сигарета лежала в пепельнице, соседствующей с чернильницей. Натали ненавидела курение, тогда как весь остальной Париж, казалось, это обожал, вплоть до того, что сборщики окурков бродили по бульварам, подбирая выброшенные сигареты. Учитывая, что весь кабинет месье Патинода был завален бумагами, удивительно, что все еще ничего не вспыхнуло.

Месье Патинод подозвал ее кивком, не поднимая глаз и продолжая чтение. Он был неугомонным человеком, чьи очки, казалось, в некоторые дни толще, чем обычно, в зависимости от того, где именно они сидели на его носу. А еще у него была самая быстрая речь, что ей только доводилось слышать, будто слова гнались наперегонки, кто первый выскочит из его рта.

Она ждала, пока он делал заметки, блуждая взглядом по его кабинету. Его диплом Университета Франции висел на стене, рядом с газетными вырезками о начале франко-прусской войны, каких-то экспериментах Энара, смерти Виктора Гюго и поимке убийцы Пранзини.

Он затаился сигаретой и наконец поднял глаза, вежливо улыбаясь:

– Ну, что нам сегодня расскажут трупы? Эта жертва убийства шепнула бы нам что-нибудь на ухо, если бы могла.

Знал бы он. Натали смущенно усмехнулась и передала ему черновик. Пока его глаза стремительно скользили по строчкам, она наблюдала за его реакцией. Его нарочитая неподвижность ничего не выдавала.

– Это хорошо, – сказал месье Патинод, снова затягиваясь дымом. Его пальцы были все в пятнах от табака и чернил, – кроме одной вещи. Садись. – Он разложил статью на столе и разглядел ее.

– Да? – Она заняла место напротив него, сев себе на ладони. Она сделала ошибку? Что-то плохо написала? Она была в шоке, когда это писала, и потому вполне возможно, что...

– Ты упоминаешь ужас, который она испытала, – сказал он, прерывая ее размышления. Голос его звучал ровно. – «Ее юные черты, искаженные кошмарными порезами, не выдавали и тени ужаса, испытанного перед безвременной кончиной».

– Да.

– Ты этого не знаешь наверняка, – сказал он. Он сделал быструю затяжку и затушил сигарету, сминая окурочек несколько дольше, чем было нужно. – Или знаешь?

– Я... – Натали запнулась. Она *знала* это наверняка, если то, что она видела, было реальным. Крики девушки все еще отдавались в ее памяти. – Я предположила, что она его испытывала.

– Должно быть, – произнес он, пристально глядя как бы сквозь нее.

На ее руку села муха. Она смахнула ее и встала, обрывая зрительный контакт.

– Какое отношение это имеет к статье?

Месье Патинод поднялся со стула, все еще не сводя с нее глаз.

– Должно быть, испытанного. – Он моргнул, будто только проснулся, и дружелюбно ей подмигнул. – Добавь это слово в статью. Если ты не присутствовала на аутопсии или не совершила убийства сама, то не можешь знать, испытывала ли она ужас. Может, он ее отравил, усыпил, а потом порезал.

– Объяснить мое предположение – это все? – сказала Натали раздраженно. Газета славилась своими преувеличениями, а он ее заставляет зря нервничать из-за пары слов.

– Это все. – Он вернул ей статью. – Сделай пометку и отдай это Арианне.

Арианна, секретарь месье Патинода, была единственной работающей в газете женщиной. Она набирала на машинке некоторые статьи для передачи редакторам и, зная, кто Натали на самом деле, относилась к ней благожелательно.

– Mercі. – Она выпрямилась. Быть репортером из морга – это настоящая привилегия. Перед тем как Натали начала работать, мама предупреждала, чтобы она не загордилась. Несмотря ни на что, было сложно не чувствовать себя, ну, особенной и гордой.

– Я слышал, очередь была невероятно длинной... Эй, Кируак! – Месье Патинод смотрел поверх ее плеча в редакционную комнату. – Ты уже четверть часа болтаешь с Терьо. Как думаешь, твой стул еще тебя помнит? – Он повернулся обратно к Натали. – Клянусь, с тех пор как я его повысил, он стал общительнее в десять раз. В общем, эта жертва убийства привлечет много внимания, как и та, другая, которую выловили из реки сегодня. – Он понизил голос. – Мы точно не знаем, но похоже, что это вторая жертва.

– Я так и знала!

– Что?

– Ну, то есть я... У меня было такое ощущение. – Она вспыхнула, уже жалея, что заговорила. Не могла же она ему рассказать о допросе с месье Ганьоном. – Всего час назад я видела активное движение около двери, куда они заносят тела, и... Не знаю, что-то заставило меня подумать, что это могла быть еще одна жертва.

Он подвинул очки на переносицу.

– Отличный журналистский инстинкт! Я знал, что твое любопытство даром не пропадет, когда нанимал тебя.

Она поблагодарила его и любезно улыбнулась.

– Учитывая время, требующееся на аутопсию и необходимое охлаждение, я уверен, что труп не выставят на обозрение раньше чем завтра. Ты знала, что они держат убитых на виду дольше, чем другие трупы? Иногда они даже откладывают объявление личности убитого, если толпы велики. – Он поправил очки. – Чем живописнее труп, тем больше внимания он привлекает и тем дольше они держат его на виду.

– А разве они не начинают?.. – Она закончила предложение мысленно. – Слава богу, что вонь не проникает через стекло в смотровую комнату, как в старом морге. Видеть трупы – уже и так достаточно.

Ухмылка растянула губы месье Патинода. Он замешкался, будто глубоко задумался.

– Нигде в Европе не получают столько удовольствия от морга, как в Париже. Бесплатный публичный театр, и каждый день новое представление.

Что-то дрогнуло на границе сознания Натали: смутное, непонятное беспокойство. Две недели она видела месье Патинода. А сегодня все было по-другому. *Он* был другим.

Она поблагодарила его, извинилась и ушла. Спускаясь по ступеням, Натали размышляла об их разговоре и поняла, чем он ее встревожил.

Этот пристальный взгляд, когда они обсуждали ужас девушки.

И ухмылку, когда они говорили о морге.

* * *

Несмотря на то что сказал месье Патинод, ей пришлось вернуться в морг. Не могла же она пойти домой, не проверив. Может, он ошибся и тело уже выложили на обозрение. Возможно, они его покажут публике сейчас, а на ночь унесут охлаждаться.

Если тело уже в смотровой комнате, станет ли она дотрагиваться до стекла снова?

Она еще не решила.

Хотя толпа у морга была куда меньше, чем несколькими часами ранее, ждать пришлось дольше. На этом настаивала нервная энергия, наполнявшая тело Натали, если только она не обманывала. А это не исключено, потому что чему в себе она сейчас могла верить? И так уже все случившееся этим утром казалось далеким и ненастоящим, скорее сном, чем действительностью. Натали засунула руки в карманы брюк и сжала свой флакончик с землей из катакомб.

Когда она приблизилась ко входу, то заметила пожилую женщину, торгующую цветами. Как там ее назвал месье Ганьон? Валлет? Валлери? Валуа? Мадам Валуа. Натали видела ее вчера и позавчера. Но не сегодня. Несмотря на историю, которую рассказывали недостающие в кармане монеты и поникшие цветы дома.

Старушка держала по букету в каждой руке: один – из мелких белых цветочков, другой – из темно-розовых. Пока никто в очереди не обращал на нее никакого внимания. Натали рассматривала женщину, пока стояла в очереди.

Нет, не видела ее сегодня.

Натали была уверена.

Когда та приблизилась, ее взгляд был как укол. Она глянула на брюки, потом снова на лицо Натали:

– Желаете еще цветов, мадемуазель?

«Еще» – доказательство, что женщина ее узнала и что продала ей те цветы сегодня утром.

Натали поймала ее немигающий взгляд и покачала головой. Мадам Валуа осмотрела ее коричневые брюки, сузила глаза и снова подняла взор на Натали, прежде чем пойти дальше вдоль очереди.

Ей казалось, что она вздохнет с облегчением, хотя бы чуть-чуть, если вопрос с цветами разрешится окончательно. Должна бы.

Но нет.

Спустя несколько минут она вошла в морг. Мужчину, стоявшего сегодня на страже смотровой комнаты, что отправил ее говорить с месье Ганьоном в кабинет, сменил другой.

Месье Патинод оказался прав. Нового трупа нет. Ничего не изменилось с утра.

У Натали засосало под ложечкой, когда взгляд упал на нее. Безымянная девушка с залитым кровью платьем. Неважно, что Натали уже видела убитую пару часов назад. Ужас и жалость никуда не делись.

Не так давно жертва была девушкой. Наверное, любила Париж так же сильно, как Натали. У нее были семья, может, братья и сестры, подруги вроде Симоны и Агнес, любимые книги, платья, блюда, и она засыпала на подушке, укрывшись одеялом. Она смеялась, и мечтала, и хранила воспоминания, которые растворились навсегда с ее последним вдохом, полным боли.

И тут Натали поняла.

Она должна еще раз прикоснуться к витрине.

Вдруг она увидит что-нибудь, что может помочь этой бедняжке? Или узнает ее имя?

Натали посмотрела на дверь с Медузой, дурным знамением сегодняшнего утра. Это просто дверь с декоративной резьбой. Она чувствовала себя глупо, что так ее испугалась и подумала, будто одна из змей шипела.

Что бы это ни было тогда, она готова испытать это снова.

Не привлекая внимания.

Месье Ганьон стоял в смотровой комнате, там же, у зеленой занавеси слева. Натали была у крайнего правого края, толпа людей ее удачно закрывала. Она не хотела, чтобы ее опять вызвали в комнату для допроса, случись что.

Он прошел в сторону Натали, наклонился что-то поднять с пола; она спряталась в тень, прежде чем он успел подняться. А поднявшись, он между делом оглядел зрителей.

Натали отвернулась в сторону, надеясь, что он не заметил ее. Выждав, она глянула; месье Ганьон вернулся на свое место.

Она встала ближе к внешней стене. Чем лучше она спрячется, тем больше шансов не выдать себя. Если это случится снова.

Если, если, если.

Она ощутила трепет, как прикосновение ветерка к нагретой солнцем коже. Медленно вдохнув, она протянула руку и прижала кончики пальцев к стеклу.

И ничего.

Она шагнула ближе к стеклу и попробовала снова.

Ничего.

Затем кое-что пришло ей в голову. Пальцы задрожали на стекле от этой мысли.

Симона предположила, что Натали знакома с убийцей. Это объяснило бы, почему она не может воспроизвести то, что произошло.

Возможно, видение было не видением вовсе, не моментом бреда и не воображением.

До сего момента ей не приходило в голову, что это могло быть воспоминанием.

Глава 6

Сон, ветренный и немилосердный, в эту ночь покинул Натали.

Она лежала в темноте, поглаживая Стэнли, чтобы напомнить себе, где она находится сейчас. Ее воображение, демонстрируя свою подлость и изобретательность, всячески пыталось убедить ее в обратном. Она представила убийцу – безликого, скрытого, скорее духа, чем человека, – шепчущего ей в ухо, говорящего, что она безумна, дразня по поводу того, что она видела, спрашивая, понравилось ли ей смотреть на убийство.

Натали больше не могла это терпеть; ей нужно было встать, подвигаться, заняться чем-то другим. Отбрасывая влажные от пота простыни, она зажгла керосиновую лампу, выскользнула из постели, схватила со стола блокнот, карандаш и маленькую коробочку. Стэнли спрыгнул с кровати, загнув хвост, готовый следовать за ней.

– Только если пообещаешь не шуметь, – сказала она, – и не хватать лапой мой карандаш, пока я пишу.

Она обулась и взяла в руки керосиновую лампу. Осторожными шагами подошла ко входной двери и выскользнула в коридор, аккуратно закрыв за собой дверь, выпуская Стэнли. Прошла по дубовому полу коридора, поднялась на три пролета винтовой лестницы. Перед ней возвышалась дверь, гордая и грозная, она практически могла представить эту дверь со сложенными крест-накрест руками. Слава богу, что она была высокой, иначе ключа ей было бы не достать. Симоне не хватало роста до него дотянуться, но настал наконец счастливый день, когда это смогла сделать Натали. С тех самых пор «салон на крыше», как они его называли, стал их любимым убежищем.

Она толкнула тяжелую дверь. Стэнли прыгнул вперед, на залитую лунным светом крышу, и вскочил на бортик. Натали легко ступала по периметру: прямо под ней была квартира, где жили люди, – и села, упершись в стену. Голоса из таверны «У Жозефины», что на соседней улице, вились в летнем воздухе.

Она открыла коробочку и вынула письмо от Агнес, которое получила за несколько дней до открытки.

Дорогая Ната,

мы провели здесь пять дней, и в четыре из них бабушка что-нибудь пекла: хлеб, круассаны, пирог, снова хлеб. «У нас, в семье Жальбер, печка используется как следует» – так она любит приговаривать. С завтрашнего дня я начну у нее учиться. Если приеду домой в августе, приобретя форму воздушного шара, ты будешь знать, в чем причина.

Роже сводит меня с ума. Он постоянно болтает и, конечно же, не говорит при этом ничего особо интересного. Еще он проказливый (вчера засунул мне в туфлю лягушку) и неуклюжий (разлил сегодня утром чай на мой блокнот). На следующей неделе будем отмечать его десятый день рождения, и я всерьез подумываю подарить ему листья, булыжники или что-нибудь подобное – забавы ради. Моим настоящим подарком ему будет пирог, если мое обучение пойдет гладко.

Кстати, блокнот все же выжил после чая. К сожалению, страница с моим новым рассказом – нет. Думаю, оно и к лучшему, потому что он был не очень хороший.

И что касается творчества: расскажи мне о своем. Я хочу знать все о газете, репортажах из морга и каково это – ходить в брюках. Не считая последнего пункта, я завидую твоей великолепной возможности.

Пора идти. Папа зовет меня помочь маме пропалывать сад. Он думает, что это отличное «познание земли». Скрючиваться под жарким солнцем и измазываться в грязи – это познание земли, но я бы его не назвала отличным. Пару дней назад попалась змея, и я закричала. С тех пор я находила отговорки, чтобы не работать в саду, но, к сожалению, моя удача уже ускользнула, как та ужасная змея.

Скоро пришлю тебе открытку. Пиши мне, моя подруга.

Bisous,

Агнес

Если Симона была розой: яркой, женственной и привлекательной, то Агнес – лилией: нежной, элегантной и чистой. Симону Натали знала всю свою жизнь, а Агнес – только с начала прошлого школьного года, когда она сменила школу; они друг другу сразу понравились. Проехав по всей Франции, даже побывав в Англии и Германии, Агнес обладала исследовательским духом, всегда стремилась к чему-то новому, особенному или иному, даже в повседневной жизни. Симона и Агнес не часто пересекались, но, когда это случалось, неплохо ладили. Натали нравилось, как каждая из них смотрела на мир.

Она положила письмо обратно в конверт и вытащила из коробочки чистые письменные принадлежности. Отклонившись назад, она позволила взгляду блуждать по мерцающему ночному небу. Что она могла теперь сказать Агнес? Та открытка, написанная в кафе, была ошибкой. Она не хотела рассказывать Агнес о произошедшем в морге, пока сама не поймет, в чем дело. А может, вообще никогда. Агнес все-таки была на каникулах, а это видение в письме не опишешь. Но нужно было объяснить то, что она уже написала.

Стэнли спрыгнул с бортика и подошел к ней, замахнувшись лапой на ее карандаш.

– Это побуждение к действию или предупреждение, что ты нарушишь обещание не цапать карандаш?

Она почесала ему подбородок, взяла карандаш и начала писать.

Дорогая Агнес,

я всегда хотела покататься на воздушном шаре, они красивые, так что бывают сравнения и похуже. Буду искать тебя глазами в небе, когда вернешься.

Выпечка... Ну что ж, ты должна научить меня всему, что умеешь. Если продемонстрируешь мне, как испечь пирог, то покажу тебе пару вещей, которые я научилась шить, даже брюки, если тебе будет любопытно. Может, как раз сошьешь пару в подарок на следующий день рождения неугомонному Роже, чьи выходки заставляют меня радоваться, что у меня нет младшего брата.

У вас там так же жарко, как в Париже летом? Ты уже ходила на пляж? Хочу узнать все об океане. И мечтаю его когда-нибудь увидеть, ощутить его запах и услышать его (на вкус можно не пробовать). Мне кажется, стоять в волнах и чувствовать мощь движения воды – просто завораживающе.

Писать для газеты – настоящее приключение, с обязанностью выдавать колонку ежедневно, непрерывной суетой работы в редакции и, конечно, моим желанием впечатлить месье Патинода. Я уже привыкла ходить в брюках, хотя не могу сказать, что мне это нравится.

Полагаю, до севера Франции докатились слухи о жертве убийства, да? Очередь на вход в морг была длинной, и Агнес, боже мой, ты и представить не можешь, какая она растерзанная, эта бедняжка, почти нашего возраста. Что я там увидела, до конца своих дней не забуду. Я отправила тебе открытку сразу после того, как вышла оттуда, потому я была так потрясена.

Каково это – гулять по улицам Байе? Расскажи мне во всех подробностях, моя милая подруга, чтобы мне показалось, что я там, с тобой.

Bisous,

Nata

Пока она надписывала конверт, доносившиеся из таверны голоса стали громче и резче, вырывая ее из задумчивости. Двое мужчин начали кричать друг на друга, и послышались звуки потасовки. Натали вложила письмо в конверт и подползла к краю крыши. В просвете между зданиями виднелся один из мужчин, когда кулак ударил его, и он упал. Ударивший показался тоже, но его тут же схватил бармен. Первый мужчина с трудом поднялся на ноги, поглаживая челюсть, что-то пьяно прокричал и неторопливо пошел прочь. Интересно, вспомнит ли он хоть что-то из этого наутро.

Тут ее озарило.

Она снова вернулась к мысли, что происшествие в морге – возможно, из памяти. Само собой, она не помнила, чтобы на ее глазах кто-то зарезал девушку. Но она не помнила и того, как покупала цветы. Кто знает, что сознание вытесняет, а что – нет? Мама как-то рассказывала ей о портном, который сходил к гипнотизеру и на сеансе вспомнил давно забытые детали того дня, когда утонул его друг детства. И еще Натали читала историю о женщине, которая в лихорадке вдруг вспомнила, как в возрасте трех лет вытолкнула в окно своего маленького брата.

Если прикосновение к стеклу в морге и правда развязало в ее памяти какой-то узел, то должно быть легко выяснить, правдиво ли это воспоминание.

Натали поползла обратно к своему месту и взяла в руки дневник. Она начала писать настолько быстро, насколько могла рука, будто выплескивание недавних воспоминаний могло помочь добраться до репрессированного.

Но не помогло.

Не считая провала в памяти с покупкой цветов, она могла мысленно воссоздать каждый час каждого дня прошедшей недели.

У нее не было ни одной причины считать то происшествие воспоминанием. Эту теорию можно отбросить.

И остаться вообще ни с чем.

Может, как она предположила в разговоре с Симоной, это было что-то вроде температурного бреда из-за перегрева: жар иногда творит с людьми странные вещи. Или, как считала Симона, это было видение.

А возможно, она сходит с ума и скоро будет не навещать тетю Бриджит, а жить с ней в одной палате.

Натали собрала вещи и вместе со Стэнли направилась обратно в квартиру, чувствуя себя не лучше (а то и хуже), чем до выхода оттуда.

Глава 7

Следующим утром Натали стояла у морга еще до его открытия. Даже уличные торговцы еще не пришли, и ни одного попрошайки было не видеть. Перед ней ожидало всего несколько человек: кучка фабричных работяг в комбинезонах, жаловавшихся друг другу на начальника, двое братьев-американцев, которые нашли какой-то повод посмеяться, и пожилая пара с маленькой собачкой и мальчишкой на пару лет младше самой Натали.

Двери отворились, и она сразу посмотрела туда, где обычно стоял месье Ганьон, но сегодня его место занимал какой-то понурый мужчина постарше. Она все же направилась к левой стороне витрины.

“Mon Dieu”⁵.

Натали услышала эти слова, но не сразу осознала, что сама их произнесла.

Неважно, что она уже видела убитую дважды за вчерашний день и всю ночь прокручивала это воспоминание в памяти. Неважно, что она знала о второй жертве и пыталась ее представить.

Ничто не могло подготовить ее к этому зрелищу в реальности: двум трупам рядом.

Она моргнула, пытаясь избавиться от этой картинки, будто это могло заставить исчезнуть два одинаковых, окровавленных женских трупа.

Новая жертва была бледна, с розовой кожей и постарше первой. У нее были очень длинные волосы цвета послеполуденного солнца, завязанные в узел, как морская веревка. Платье висело позади нее, зелено-голубое, влажное. Дождь на летнем пикнике.

Лицо молодой женщины было раскромсано; она была словно зеркальным отражением своей сестры по несчастью. Вдвоем они смотрелись как две угасающие свечи на сером каменном столе.

Случится ли это снова?

Натали должна знать.

«Будь отважной. Будь смелой. Будь смелее, чем нужно, как говорила мама».

Она отошла от остальных и вытянула руку вперед. Выпрямившись, Натали протянула кончики пальцев к стеклу.

Прикосновение умчало ее туда быстрее пули.

Три пореза обратным ходом. Лезвие вонзалось глубоко, ведомое невидимой рукой; Натали находилась слишком близко к лицу девушки, чтобы видеть что-то кроме него. Нож рассек кожу от ключицы до горла, затем поднялся и проткнул горло у нижней челюсти. И снова нож был занесен, и снова погрузился – от челюсти девушки до уголка губ. Лезвие и плоть, плоть и лезвие.

Затем жертва встала, и пара рук отпустила ее. «Толкает». Натали оказалась дальше от девушки, будто ее оттолкнули. «Бежит». Девушка двигалась задом наперед, они обе бежали задом наперед по длинному коридору с сине-золотым ковром в середине. «Преследует».

Бег девушки замедлился до шага, и она развернулась, а выражение нестерпимого ужаса на ее лице смягчилось, уступив место легкой тревоге, которая сменилась кокетливой усмешкой.

И вдруг все закончилось.

Преследование. Бег. Толчок. Убийство. Осознание жертвы, что она умирает.

Кто-то рядом с Натали кашлянул. Она глянула в сторону и увидела, что и пара, и братья, и один из рабочих уставились на нее широко раскрытыми глазами.

Рабочий повернулся к своим, покосившись через плечо на Натали, протискиваясь между товарищами, будто пытаясь оказаться подальше от нее. Один из братьев шепнул что-то дру-

⁵ О боже (*фр.*).

гому, и оба подавили смешок. Пара продолжала таращиться на нее; затем мужчина приобнял жену и увел ее. Они снова смотрели на трупы или же притворялись, что смотрят.

Натали сделала шаг в их сторону:

– Извините, что... что я сказала?

Они сделали вид, что не услышали. Женщина показала пальцем на одно из тел и что-то шепнула, а мужчина ответил энергичным покачиванием головы. Затем они заговорили с рабочими и мальчишкой, обсуждая убитых.

Она прижала сумку к груди, впиваясь ногтями в кожу, чтобы пальцы перестали дрожать.

Смотритель. Заметил ли он? Натали бросила взгляд через плечо. Нет, он рассматривал костяшки своих пальцев, а заменяющий месье Ганьона зевал.

По крайней мере, повторный допрос ей не грозит. Как и вытесненное воспоминание, решила она, потому что увидеть и забыть *два* убийства – это маловероятно. Она и так вычеркнула эту версию и сейчас убедилась, что не зря.

И что теперь?

Хотя сегодняшнее утро не было жарким, она все еще могла галлюцинировать. Особенно если она сошла с ума, а эта версия сейчас ей казалась наиболее правдоподобной.

У нее не было ответов. Только вопросы.

Один из учителей как-то сказал, что ему никогда не попадался студент, который бы так же любил задавать вопросы, как Натали. «Исключительно любознательная» – так он ее называл. Это правда, по крайней мере, было правдой. Сейчас вопросы казались ей надоедливymi червяками, кишачими в ее голове.

Она не хотела больше видеть трупы, любые трупы. Но ей, конечно, необходимо было посмотреть ради написания колонки, и не просто смотреть, а рассматривать.

Натали прошла вглубь комнаты, сжимая флакон из катакомб в кармане, и снова приблизилась к стеклу. Она стояла прямо и глядела на другие тела, избегая взглядом убитую. Другими новичками были полный мужчина – наверное, то второе тело, которое пронесли мимо нее вчера в коридоре, – и старуха. Их смерти были бесславными: кому охота умереть безымянным в общественном месте, – но обычными. В сравнении с двумя убитыми девушками остальные казались просто спящими.

Выйдя из морга, Натали направилась на почту, чтобы отослать письмо Агнес. Дважды по пути туда она ловила себя на том, что сжимает кулаки, сминая письмо.

Ей не хотелось сидеть в шумном паровом трамвае или влекомом лошаадьми омнибусе. И не хотелось быть зажатой в толпе незнакомцев. Идти домой пешком было не очень-то удобно, но предпочтительно. Реакция людей в морге сегодня и вчера заставила Натали почувствовать себя изгоем. Что еще хуже – она была с ними согласна.

По пути, около Сены, она остановилась у кромки воды и стала смотреть на реку. Реку, которая послужила похоронной процессией для двух девушек едва старше самой Натали. До того как стать «жертвой номер один» и «жертвой номер два», кем они были? Может, одна из них работала продавщицей, обожала нюхать новые духи, а другая была прилежной ученицей, говорила по-итальянски и только что познала радость первого поцелуя.

Как убийца избавился от трупов, не привлекая внимания?

Найти эти тела, наверное, было просто ужасно. Она не могла представить, как себя чувствовали те, кто невольно обнаруживал, что плавающий на поверхности воды предмет – это человеческое тело, притом тело молодой девушки, и девушка та мертва.

И эти убитые. Что за мысли проносились в их головах в мучительную секунду осознания, что они умирают? Она видела это на лице второй жертвы – момент осознания. Каково это было: ощутить краткий ужас на грани царства жизни и царства смерти?

За несколько кварталов от дома она прошла мимо разносчика газет, продававшего *Le Petit Journal*. Чернила кричали ей со стопки газет, призывая подойти ближе.

Подойдя, она была схвачена заголовком, будто вором в темном переулке.

Убийца девушки прислал письмо в газету

Пока мальчишка болтал с разговорчивым покупателем, Натали задержалась, чтобы прочесть дальше. Текст письма был приведен крупным шрифтом под заголовком:

Париж,

я хотел бы выразить тебе благодарность за то, что ты пришел посмотреть на выставку моих работ. Было лестно увидеть такое количество посетителей, особенно даму в голубом с маленькой девочкой, которая, должен упомянуть, держала в руках прекрасный желтый цветок. Крики малышки при виде моей Спящей Красавицы стали для меня приятным сюрпризом.

До следующей,

всегда ваши,

я

И там, под фонарем, рядом с мальчишкой-газетчиком и разговорчивым покупателем, Натали стошнило малиной и сыром, съеденными на завтрак.

Глава 8

На протяжении всего ужина мама не спускала с нее подозрительного взгляда. Натали выдало то, что она не притронулась к своему любимому летнему блюду – овощному супу писту. Она пыталась заставить себя съесть хоть немного, но боялась, что ее снова вырвет.

– Как тебе суп? – спросила мама, погружая в него ложку. – Ты что-то совсем не ешь. Слишком много базилика?

– Нет, он очень вкусный, – Натали макнула кусочек хлеба в него и съела, одобрительно кивая, – просто у меня... расстройство желудка.

– Это потому, что он пустой. Тем более нужно поесть. – Мамино недоверие было очевидным.

– Поем, когда вернусь от Симоны, – сказала Натали, глянув на часы. Я сказала ей, что буду в шесть.

Натали очистила и помыла тарелки. Жизнь ее была в эти дни расписана по часам. Прошлым летом она по несколько часов могла читать или писать в городском саду либо же наблюдать за прохожими, сидя вместе с Симоной в кафе, и ее главной проблемой было успеть сделать домашние дела до прихода мамы с работы.

А теперь ее проблема – это трупы. И необъяснимые видения. И убийца.

Она должна была отдыхать на севере Франции вместе с Агнес, в маленьком городке, где время остановилось. Главной проблемой этого лета должно было стать решение, какого размера кусок пирога себе отрезать, или то, что в саду водятся змеи, или что Роже безобразничает.

Вздыхнув, она швырнула кухонное полотенце на стойку. Мама очередной раз спросила, что случилось.

– Ничего, – ответила Натали. Она подняла полотенце, аккуратно сложила его и положила на столешницу. – Надеюсь, что скоро мне станет лучше, вот и все.

Мама скрестила руки, поморщившись от усилия, которое для этого потребовалось. Натали взяла сумку и поцеловала маму в лоб, пообещав быть дома в восемь.

* * *

Натали сошла с парового трамвая на площади Пигаль, в квартале от Симоны, и купила газету в ближайшем табачном киоске. Танцевальные залы, похабные кан-кан-шоу, кафе-варьете тесно скопились в этой части города, и Симона жила в самом их центре. Мама называла данный район «сплошным упадком», так что Натали «перенесла» адрес Симоны в здание в более приличном районе, в паре кварталов отсюда.

Из-за расписания в кабаре Симона жила в странном режиме – по «вампирам часам», как она это называла. В некоторые вечера выступала в шоу, и хотя у нее были небольшие роли в кордебалете, от выхода на сцену ее переполняла радость. В другие вечера она работала официанткой в клубе. Часто и выходные она проводила там же, слушая исполняемые со сцены стихи или новую музыку.

Порой и вспомнить было непросто, как Симона проводила время до «Черного кота». Неужели всего пару месяцев назад их вечера проходили в «салоне на крыше» за наблюдением за прохожими и сочинением историй о них?

Натали проскользнула мимо бродяги в дверном проеме дома Симоны, вошла в тускло освещенное фойе, и до ее слуха донесся шум. Кто-то непрерывно кричал, или играл на пианино, или что-то праздновал; а если нет, то все равно оставался фоновый гул голосов. Место так пропахло сигарами и алкоголем, что запахи эти, казалось, уже впитались в стены. Дере-

вянные ступеньки, по которым прошло бесчисленное множество усталых ног, застонали, когда она стала подниматься по ним к квартире.

Симона была независима, но ее новая жизнь была далека от роскоши.

– Ты не поверишь. Прочитай только, – сказала Натали, стоило Симоне распахнуть дверь. Она вытащила *Le Petit Journal* из сумки и сунула в руки Симоне, переступая порог.

– Я проспала. Даже еще не сбрызнула лицо розовой водой. – Симона зевнула и закрыла дверь. – И моя голова еще не готова к чтению.

Натали забрала газету, закатив глаза.

– Придется мне самой тебе прочитать.

Они сели на диван, Симона растянулась, как Стэнли после сна, а Натали села, поджав под себя ноги, как тигр, готовый к прыжку.

Натали прочитала статью вслух, и к концу ее Симона уже не сидела на диване, а расхаживала кругами по комнате.

– Поверить не могу, что это чудовище было там в то же время, что и ты, – сказала Симона. Ее большие глаза, казалось, расширились еще больше. – Ужасно, что тебе пришлось пойти туда в одиночку.

Натали провела пальцами по волосам.

– Да. К сожалению, других вариантов нет.

Симона остановилась.

– Я знаю, но...

Ей можно было и не заканчивать фразу. Натали поняла. Ее желудок снова заурчал от одной мысли об этом. Видел ли убийца ее в момент первого видения? Заметил ли он, что ее отозвал Ганьон? Наверняка он там был, смотрел на нее, как и все остальные, потому что ее видение случилось в тот момент, когда крик маленькой девочки напугал ее. Когда он ушел? Последовал ли за ней, когда Ганьон отпустил ее с предостережением об опасности парижских улиц? Она обхватывала себя руками все крепче с каждым вопросом.

– Надеюсь, они его поймут, – сказала Симона, – потому что хочу присутствовать на его свидании с мадам Гильотиной.

– В первом ряду зрителей, – добавила Натали. Она представила, как наблюдает за падением лезвия на шею убийцы, а затем устремляется на эшафот. Она бы схватила его голову и дала пощечину, как тот мужчина – Шарлотт Корде, убийце, а потом...

Симона тронула ее за плечо:

– Ты слышала, что я сказала?

Натали помотала головой.

– Я сказала, – начала Симона раздраженно, – что письмо было отправлено, когда в морге лежала только одна жертва. Ко времени публикации там уже появилась вторая. «До следующей». Что за «следующая» – вторая жертва?

– Возможно. Думаю, он нарочно так туманно выразился. – Натали вздрогнула. – Наверное, сидит сейчас в кресле, смеется, потому что знает, что о нем сегодня говорит за ужином весь Париж.

Симона плюхнулась на диван, взметнув в воздух облачко пыли. Глаза ее наполнились азартом.

– Если он убьет в третий раз, может, ты сможешь помочь полиции.

– Но как? У меня нет никаких зацепок. Ничего такого.

Симона сжала локоть Натали.

– Просто расскажи им, что ты видела.

Натали подумала о меся Ганьоне, как он сидит прямо на своем стуле в кабинете, и что он сказал бы ей, приди она к нему. За несколько секунд перед ее глазами промелькнули картины:

от того, как он потирает подбородок и делает заметки, до того, как вежливо, но неуклонно велит ей надеть смирительную рубашку, если ее не затруднит.

– Ты правда считаешь, что мне кто-то поверит? – спросила Натали.

Симона ослабила хватку.

– И что я такого вообще видела? – Плечи Натали опустились. – Сцену убийства в обратном порядке... Но мы же не знаем, реально ли это или только произошло в моем сознании.

– Предположим, что реально. Почему бы и нет? Это реально для тебя.

– Ты сама говорила мне, еще с тех пор, как я заставила старую мадам Мерсье поверить, что Стэнли – живущий на лестнице кот-призрак, что у меня такое хорошее воображение. – Натали улыбнулась этому воспоминанию, хотя она и поступила нехорошо, потому что мадам Мерсье сама нехорошо поступала. А Стэнли, будучи белым котом, и правда был очень похож на кота-призрака.

– Случались и более странные вещи, – сказала Симона. – Помнишь эти рассказы о докторе-мошеннике – как там его звали? Энар? И переливания крови, которые якобы давали людям временные магические способности?

– Это просто было какое-то помешательство. И требовалась медицинская процедура.

Симона распростерла руки.

– Да, но хочу сказать... ты не первый человек со сверхъестественными способностями. Если он мог это сделать в лаборатории, то кто сказал, что ты не можешь просто сама по себе ими обладать? – Она покачала головой. – Может, перестанешь отрицать, что это реально, и примешь данную вероятность. Перестань с ней бороться.

– В полиции подумают, что я сумасшедшая. Разве нет?

Симона понизила голос до шепота.

– Им необязательно знать, что это ты.

– И как... – Натали осеклась, прервав собственный вопрос. Как это осуществить? Ну конечно. Последовать подсказке самого убийцы. – Письмо в газету.

– Или прямо в полицию.

Натали закусила губу. Насколько ей хочется в это ввязываться? Может, она слишком рано поддалась азарту. Писать фактические обзоры в *Le Petit Journal* – это одно дело; отсылать анонимные письма о том, что она видела, – совсем другое. Это переведет ее из роли закулисного посредника в актера, во второстепенную фигуру на сцене. Готова ли она стать частью представления?

Затем она спросила себя, готова ли просто стоять по другую сторону витрины, как рядовой посетитель морга, несмотря на то что видела намного больше.

«Много о чем надо подумать. Много неизвестного».

– Даже если то, что я видела, реально, еще не значит, что это правдиво, – сказала Натали, переплетая пальцы. – Что если мой ум вмешивается со своей кистью, приукрашивая сцену?

– А может, твой ум – это холст для истины. Об этом ты подумала? Видения. Не галлюцинации, не температурный бред. – Симона потянула себя за косу. – Полиция разберется. Наверняка им придется выслушивать много ерунды. Ты не можешь быть менее права, чем те, кто выдумывает истории нарочно.

– Верно, – ответила Натали. Жаль, что у нее не было никаких доказательств, да и деталей она могла рассказать не так уж много. Впрочем, вряд ли ситуация *ухудшится*, если она расскажет полиции, что видела. Да?

– А, да, чуть не забыла, – произнесла Симона. Она вскочила с дивана, подошла к прикроватной тумбочке и вернулась с улыбкой и колодой карт.

Карт Таро.

Плечи Натали поникли, в ответ на что Симона склонила голову, как щенок (она это хорошо умела делать).

– Уже почти половина восьмого. Я обещала маме вернуться к восьми.

– Луи придет занести книгу по астрологии с минуты на минуту, так что это много времени не займет, обещаю, – сказала она, усаживаясь рядом на диван. – Ты же знаешь, мне нужно практиковаться.

Да, Натали знала. Симона ознакомилась с предсказаниями по картам Таро, как и много с чем еще, в своей новой жизни в «Черном коте» и от Луи. Одна из танцовщиц занималась этим на стороне для развлечения посетителей. Симона, получив однажды от нее предсказание, научилась у той девушки делать их сама, для своих «любимчиков» в клубе, как она их называла.

Натали, пряча нежелание, согласилась. Симона, хихикая, поблагодарила ее и тут же сделала серьезное лицо.

– Итак, конкретный вопрос или открытое предсказание?

Симона уже раньше объясняла ей, что это значит. До происшествий в морге Натали выбрала бы общее предсказание. Но не теперь.

– Вопрос. Что означают эти видения?

Перетасовав колоду несколько раз, Симона попросила Натали снять карты и выложила три рубашками вверх.

– Есть несколько способов, но я хотела бы начать с простого варианта, пока не наберусь опыта. Эта карта – прошлое, эта – настоящее, а эта представляет собой будущее. Готова?

После кивка Натали Симона перевернула карту прошлого.

В центре ее был изображен человек с двумя лошадьми по бокам.

– Это Колесница, – сказала она. Тон ее был задумчивым, сосредоточенным. – Это значит, что ты преодолела сложности и проявила настойчивость.

– Начали с комплиментов. Эти карты умеют польстить девушке, не так ли?

Симона посмотрела Натали в глаза с ухмылкой.

– Видишь? Тут все довольно толково. Это может быть о несчастном случае с твоей мамой и получении работы в газете.

– Может, – сказала Натали, улыбаясь в ответ. Она не хотела говорить это вслух, но, по ее мнению, эту карту можно истолковать как угодно. – Впрочем, не то чтобы это как-то связано с вопросом.

– Нет, связано! Твоя работа в газете – это причина, почему ты ходишь в морг каждый день, так что это то, что привело тебя к видениям.

Натали было сложно с этим поспорить.

– Открой свое сознание, – сказала Симона. Ее манера была такой очаровательной, что у Натали не возникало сомнений по поводу того, что «любимчики» будут впечатлены этой игрой. – Теперь следующая карта: настоящее.

Симона перевернула карту с изображением Луны.

– Луна означает... смятение.

Натали почувствовала на себе взгляд Симоны, но ее собственный не отрывался от карты.

– Если бы я не была в смятении, я бы не задавала вопрос, – сказала Натали, выпрямляясь. – Так что думаю, что это одинаково подходит любому, кто что-то спрашивает.

– Может, и так. Но Луна также означает сны.

Сны ночные или... наяву?

Очень странно.

От этой карты Натали уже было сложнее отмахнуться.

– Давай не будем смотреть третью.

– Поздно, – сказала она, переворачивая карту, описывающую будущее.

Карта изображала висящего вниз головой человека. Его ноги были скрещены, руки за спиной.

Симона поморщилась.

– Повешенный.

– Повешенный? – переспросила Натали. – Думаю, могло быть и хуже. Могла быть гильотина.

– Это не то, что ты подумала. Это означает самопожертвование, кажется. – Она прикусила губу. – Да, так и есть. И это предполагает смену образа мыслей.

Натали откинулась на спинку дивана и выдохнула.

– В итоге получается, что я проявила настойчивость, нахожусь в смятении и мне в какой-то момент придется чем-то пожертвовать. Или я уже это сделала, если считать упущенную возможность провести лето на побережье. Звучит как жизнь практически любого человека в тот или иной момент.

Голос ее дрожал куда сильнее, чем ей хотелось.

Симона поднялась и подошла к Натали, сжимая ее плечи.

– Это просто забава, – сказала она. Натали знала, что это просто попытка ее утешить.

Но это все же было приятно. Чмокнув Симону в щечку, она поскакала вниз по лестнице. Входная дверь распахнулась, когда она спустилась на лестничную площадку, и рыжеволосый парень в сюртуке в турецких огурцах вошел с книгой в руках.

Его зеленые глаза вспыхнули узнаванием при виде ее.

– Полагаю по красноречивому описанию Симоны, что вы мадемуазель Натали Боден, – произнес он с королевскими манерами. Он поднес ладонь к щеке, будто посвящая ее в тайну. – А если нет... то мои извинения.

Она рассмеялась.

– Да, это я.

Он протянул руку, и она подала свою в ответ.

– Enchanté⁶, – сказал он, поднося ее руку к губам для легкого поцелуя. – Луи Карр.

Натали вспыхнула. Никто так раньше не целовал ее руку, кроме мужчин папиного возраста, стремившихся излишне усердно соблюдать правила хорошего тона, и их можно не считать.

Луи повернул ее ладонь и стал рассматривать линии.

– А, «рука-воздух». Беспокойна, если разум не занят чем-то, так? У Симоны «рука-вода», полная жизненных страстей.

Натали вежливо кивнула, он выпустил ее ладонь.

– Моя мать помимо прочего умеет читать линии на ладони, – гордо поведал он. – Она научилась этому у своей матери и передала мне.

Она улыбнулась.

– А моя мать – швея, и она пыталась научить меня, но я не очень хорошая ученица. – Они усмехнулись.

– Не считите за грубость, но я ценитель моды – не она ли сшила юбку, что на вас сейчас? Великолепная работа.

Натали опустила взгляд на свою бело-бежевую юбку с изящной кружевной отделкой: старую, но сохранившуюся в отличном состоянии – один из ее любимых предметов гардероба.

– Да, вообще-то, она.

– Ваша мать умеет обращаться со швейной иглой. Я восхищен такой способностью.

Натали поблагодарила его. Такие комплименты были ей приятны, не от тщеславия, а от гордости за мамин талант, которому воспрепятствовали ужасные ожоги.

Луи распрощался с ней и пожелал быть осторожной.

⁶ Очень приятно (фр.).

– Интересно, что вы так сказали, – ответила она. – Вы не первый, кто мне это говорит за последнюю пару дней. Эти убийства всех нервируют.

– Знаете, что я думаю? – прошептал он снова с заговорщицким жестом. – Это дьяволо-поклонники.

Ее желудок двинулся, как змея.

– Что?

– Симона рассказала мне, что вы с ней обсуждали возможные варианты. Вот я считаю, что за этими убийствами стоит сатанинский культ. Полиция так не думает. – Он дотронулся пальцем до виска. – Нужно исследовать даже самые темные тропинки.

Натали никогда о таком даже не задумывалась. У Луи весьма оригинальное мышление. Как и положено поэтам, подумала она, – видеть вещи не такими, какими видят их остальные.

– Все возможно.

– Так ли это? – Луи поклонился. – Приятного вечера, мадемуазель Боден.

Она вышла на улицу, особо внимательно смотря по сторонам по пути к остановке парового трамвая. Трамвай не пришлось долго ждать, она села в него, а затем сошла на площади Республики, как обычно.

И почти в тот же момент ее охватило отчетливое ощущение, что кто-то преследует ее.

Глава 9

Натали сошла с парового трамвая, прошагала мимо мужчины на скамейке, читавшего *Le Petit Journal*, и остановилась завязать шнурок.

Мужчина в британском котелке встал, когда она склонилась к ботинку. Он положил руки в карманы и повернулся к ней спиной. Как только она снова двинулась в путь, то заметила – едва-едва, уголком глаза, – что он последовал за ней.

Он помедлил. Будто ждал, пока она закончит завязывать шнурок.

Она помотала головой. На тротуаре были другие прохожие. Хотя в такое время неглупо быть настороже, она так себя с ума сведет, считая опасным каждого, чей путь совпадает с ее.

Но он сначала смотрел в другом направлении. Разве нет?

Она развернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. А его там не оказалось. Мимо прошли двое других мужчин, и, кроме них, на тротуаре никого не было. Она посмотрела через дорогу и увидела котелок. Мужчина, жилистый, невысокий, прислонился к газовому фонарю. Одежда темная, неприметная. И снова она видела только его спину.

Натали положила руку в карман, сжала талисман из катакомб и пошла своей дорогой. На следующем перекрестке она свернула направо, потом огляделась по обеим сторонам улицы.

И тогда заметила его снова. Он повернулся, когда повернулась она, и перешел дорогу, когда перешла она, держась на расстоянии примерно в квартал.

Это не было случайной прогулкой. Никто не ходит этим путем, если не направляется в определенный блок многоквартирных домов.

А если направляется, то не переходит на другую сторону улицы, чтобы сначала постоять, прислонившись к фонарю.

«Зачем кому-то меня преследовать?»

Она постаралась выбросить из головы следующий вопрос, но он снова лез в ее сознание.

«Что если это убийца?»

По коже пробежали мурашки. «Побежать домой – значит показать ему, где живу. Направиться в общественное место – значит потерять его из виду».

Второй вариант выглядел более разумным: рядом был канал Сен-Мартен, освещенный газовыми фонарями и часто полный влюбленных парочек и туристов.

Она перешла с шага на бег.

Сердцебиение гремело в ушах, в нем тонули все остальные звуки, даже ее собственные шаги. Она оглянулась через плечо. Мужчина все еще был в поле зрения, передвигаясь быстрыми, торопливыми шагами.

Спустя минуту она уже была на набережной Вальми, где люди прогуливались по обеим сторонам канала. Она замедлилась до шага, посматривая, следует ли мужчина за ней. И не могла разглядеть его в толпе. Он ушел? Или спрятался?

Она заметила экипаж на другой стороне моста. По всей видимости, к нему направлялась пара. Она поспешила, чтобы успеть туда первой, но осторожно, чтобы не напугать лошадь.

– Месье, – сказала она кучеру, – мне нужно добраться до дома. Скорее.

Кучер склонил голову, затем посмотрел мимо нее на приближавшуюся пару.

– Сэмюэль целый день трудился, – сказал он, похлопав лошадь. – Мой тариф вечером повышается.

Натали поморщилась. Слава богу, ей как раз сегодня заплатили. Она вытащила деньги из кармана платья и протянула ему.

– Хорошо.

Кучер выглядел удивленным, но протянул руку и помог ей сесть в экипаж. Он спросил, как она и предполагала, почему она бродит вдоль канала вечером.

– Я потерялась, – соврала она, ища взглядом в толпе того мужчину, пока они не поехали тихими боковыми улицами. Она нервно поддерживала беседу, чтобы кучер не задавал лишних вопросов, все время озираясь. Спросила о Сэмюэле, сером в яблоках, с черной гривой, и рассказала кучеру историю: когда ей было четыре, папа поднял ее, чтобы она погладила запряженную лошадь по носу. Животное на нее фыркнуло, шумно и мокро, и она потом боялась лошадей, но преодолела этот страх. Когда она закончила свою историю, экипаж как раз подъехал к ее дому.

Осмотрев улицу, она вышла. Заплатила, поблагодарила кучера, вошла в здание; перестанет ли хоть когда-то ее сердце бешено колотиться?

* * *

Натали задержалась на верхней лестничной площадке, постукивая пальцами по перилам. Как объяснить свое опоздание маме? Дверь квартиры открылась, не дав ей времени подумать.

– Я слышала экипаж. Это ты в нем была? Тратишь деньги на экипажи? – Мама зашла обратно в квартиру. Она поставила пустой канделябр на столик, где лежало пять белых свечей.

– Пришлось, – ответила Натали, идя за ней. Она закрыла дверь и заперла, затем подергала, проверяя. – Я... я почувствовала, что идти пешком небезопасно.

Мама погладила свои шрамы. У нее была привычка переплетать пальцы, когда она волновалась, но теперь она не могла так делать. Новой привычкой стало трогать шрамы.

– Я не хочу, чтобы ты в одиночку ходила по темноте, – ее взволнованный тон зазвучал встревоженно, – пока со всем этим не разберутся.

– Мне кажется, в Париже невозможно остаться в одиночестве. – Натали напряженно усмехнулась. – Я... я пошла к каналу по пути домой.

Мама нахмурилась. Она ставила свечи в канделябр, одну за другой, каждая следующая давалась со все большим трудом.

– Почему?

Натали отчаянно пыталась придумать ответ и тут поняла, что вариантов всего два. Ее версия событий после трамвая могла быть верной. Или она все совсем неправильно поняла.

Может, мужчина не преследовал ее.

Может, дело в обостренном чувстве опасности, поспешных выводах.

Может, это был убийца.

Может, и нет.

В конце концов, он так и не приблизился к ней достаточно близко, чтобы можно было его рассмотреть. А дойдя до канала, она потеряла его из виду.

Натали прокашлялась.

– У тебя бывало такое, что тоненький голосок в голове говорит тебе: сделай так, а не этак?

– Много раз, – ответила мама, зажигая спичку.

– Мой тоненький голосок сказал сегодня сесть в экипаж, и канал был ближайшим местом, чтобы его найти.

Это не было правдой, но и ложью не было. Что-то посередине.

– Иногда тоненький голосок знает лучше всех, – сказала мама, зажигая свечи. – Даже если это означает трату денег на экипаж. А что вызвало его?

– Просто... ощущение. – Натали поцеловала маму в щеку. – Извини, что встревожила тебя, мама. Я обещаю отныне приходить домой до темноты.

– Спасибо, *ma bichette*.

Мама сняла одно из неоконченных платьев – из красного шифона с бархатной отделкой – с манекена. При свете свечей она работала над ним – медленно, неловко, с болью – некоторое время перед тем, как пожелать Натали спокойной ночи. Когда мама вышла из комнаты, Натали

подождала пару минут, а потом выглянула в окно, а также еще раз проверила, что входная дверь заперта. И еще раз.

Потом она устроилась на диване, со Стэнли под боком, чтобы сделать запись в дневнике. Так как лица жилистого мужчины она не видела: оно было в тени, скрыто шляпой, всегда чуть дальше, чем возможно разглядеть, – то записала в малейших деталях все происшествие, даже нарисовала схему улицы. Закончив, она пролистнула несколько страниц, чтобы прочитать несколько последних записей.

Наконец она дошла до той, что была сделана только вчера, судя по дате. Эту запись она прочитала трижды.

Почерк был ее. Ее стиль повествования, словечки. Описания, во всех деталях рассказывающие о лете, были точно ее.

Но она не помнила, чтобы писала хоть одно слово.

Натали захотелось запустить дневник через всю комнату. Нет, выбросить его в окно или поднести к канделябру и сжечь. Либо бросить его в Сену по дороге в морг завтра утром. Она может купить новый. И, пожалуй, стоит это сделать, потому что этот дневник ее предал, он сыграл жестокую шутку с ее памятью. После всех секретов, поведенных ему, дневник ее обманул.

Пока что, впрочем, она спрятала его под подушку за Стэнли.

Она прокрутила в мыслях весь вчерашний день, шаг за шагом, как ведешь ребенка через каменистый ручей, и наткнулась на провал.

Ночью она поднялась на крышу, чтобы сбежать из клетки своей темной, тихой комнаты. Она помнила, как увидела драку в таверне «У Жозефины», а потом...

Ничего – вплоть до сегодняшнего утра.

О боже, она же отправила письмо Агнес сегодня утром. Письмо, написание которого стерлось из ее памяти, как и запись в дневнике.

«Что я написала?»

Мостик между завершением драки и пробуждением раскрошился.

Что касается причины... Ну, а по какой причине она не помнила покупку букета? Это первое происшествие в морге вчера, придумалось оно или приснилось, потрясло ее больше, чем она думала.

И, конечно, сегодня оно повторилось, и теперь она не знала, может ли вообще доверять своим мыслям. Действительно ли ее сегодня преследовали или ее мозг исказил и это?

Она откинулась на спинку дивана, закрыв глаза. Ей нужно каким-то образом зацепиться за правду, любую правду. Все снова замыкалось на морге. Либо ее видения отражали реальность, либо нет.

Снова и снова она вызывала воспоминания о том, что видела о каждой из жертв. Вскоре Натали погрузилась в странное состояние между мыслью и сном.

Вместо туманных мыслей она обнаружила ясность.

Она выпрямилась, испугавшись и сама, и спугнув Стэнли.

Серебряное кольцо. Мелкая деталь из второго видения в морге, нечто ускользавшее от ее внимания – до этого момента.

В видении у девушки было простое серебряное колечко на правом мизинце.

Когда обнаружили первую жертву, в газете было две заметки. Первая – колонка Натали о морге. Вторая – репортаж о смерти девушки, где ее нашли и когда, что на ней было надето, что лежало в карманах, как давно она была мертва. Завтрашний выпуск будет содержать такой же рассказ о второй жертве. Это была стандартная процедура для всех демонстрируемых трупов.

Если кольцо там будет упомянуто, значит, ее видения правдивы. Не потому, что так сказала Симона, и не потому, что Натали предпочла бы сверхъестественные способности сумасшествию. Не потому, что если об этом подумать, даже поразмыслить хорошенько, то в этом есть нечто могущественное, наполненное смыслом, особенное.

Это значило бы, что она нашла истину, загадочную, но все-таки истину.

Глава 10

Натали наутро проснулась позже обычного и стала торопливо одеваться. Она спешила в кухню, чтобы чем-нибудь позавтракать, когда на глаза попался заголовок – и она встала как вкопанная.

Первая жертва опознана

Мама сидела в потертом папином кресле, читая газету. Натали подошла сзади, положив руки на кожаную спинку. Она пахла папиным табаком, морем, вином и всем тем, что составляло папу. Она так ждала его возвращения.

– Эта девушка была няней из Живерни, – сказала мама, поправляя свой халат в турецких огурцах. – Приехала в Париж на выходные. Одна.

– Няня. Я об этом не подумала.

– Что?

Натали прикусила губу. Наверное, не стоит признаваться маме в том, что она пыталась представить, как выглядели жертвы, кем они были, каковы их истории. Это только еще больше встревожит маму относительно ее работы в морге.

– Люди в кафе говорили, что она, наверное, уличная проститутка. Как ее звали?

– Одетт, – сказала мама, показывая пальцем на имя в статье. – Одетт Ру.

Натали прошла в кухню и отрезала хлеба. Что-то было необычное в ее имени. Оно звучало... *знакомым*, что ли. При этом единственная знакомая ей Одетт была маленькой девочкой, живущей на их улице.

А может, просто был некий комфорт в том, чтобы слышать имя – любое имя, а не «девушка», «первая» или «жертва номер один». Она была Одетт, веснушчатой, в розовом платье, она укладывала малышек и пела им колыбельные. Одетт, которая играла в прятки, забегая в чулан и скрываясь за шкафом, пока дети ее искали. Одетт, которая осушала слезы маленького мальчика, который оцарапал коленку. Вот кем она была для Натали.

Мама сложила газету и зажала ее в подмышке, вставая. Она прошла к кухонному окну, глаза ее следили за птичкой, которая дрожала на подоконнике, прячась от дождя.

– Я пойду в морг с тобой. А потом я хотела бы, чтобы мы навестили тетю Бриджит.

Сердце Натали упало, а потом будто подпрыгнуло как пробка.

– Почему?

Мама посмотрела на нее недоуменно.

– Если мы не будем навещать тетюшку, то кто? Стыдно сказать, мы и так давно к ней не приходили.

Они однажды были в лечебнице после несчастного случая, но тетя Бриджит расстроилась, увидев мамины покалеченные руки в бинтах. Она плакала и плакала, потому что не хотела, чтобы маме было больно, так что мама решила не ходить больше, пока ожоги хотя бы слегка не заживут.

– Я имею в виду: почему хочешь пойти в морг? – Натали намазала хлеб черничным вареньем. – Ты же не очень это любишь.

Она хотела защитить маму, как та птичка на подоконнике защищала бы своих птенчиков. Ее маме не надо видеть убитых, не надо стоять в морге, где бывал сам убийца, наблюдая за тем, как толпа разглядывает его жертву.

Но это было не все. Ей также не хотелось раскрывать маме свой секрет. Идти вместе в морг – это было каким-то... вторжением.

Вторжением? Натали немедленно устыдилась этой мысли.

Мама передала ей газету.

– Я хочу посмотреть, на что все смотрят, на что смотришь ты.
«Если бы ты знала, мама».

Натали разложила газету на столе после маминого ухода. Она нашла боковую колонку и то предложение, которое для всего Парижа было непримечательным, а для нее меняло абсолютно все.

На убитой были желто-голубое платье в цветочек, нижнее белье, одна туфля и серебряное кольцо на правом мизинце.

Ее охватило радостное возбуждение. Может, она и не боится вовсе этой «силы» и ее можно исследовать как новый роман: каждое озарение – очередная страница? Она не понимала этого дара, но была готова его принять, учиться у него, сделать его частью себя и использовать на благо.

По крайней мере, она наконец начинала верить в его подлинность.

Когда Натали вошла в морг, взгляд ее сразу устремился туда, где раньше лежала Одетт.

То, что ее безжизненного тела там больше не было, повлияло на Натали неожиданным образом. Хотя она никогда не призналась бы никому, да и себе – вряд ли, Натали скучала по ней. Яркость видения и все, что оно повлекло, сделали Одетт не просто трупом на плите, не просто жертвой убийцы. Она обрела душу среди бездушных. Натали чувствовала связь с ней, с ними обеими – через внезапную тесную связь свидетельства их смертей. Как тогда, когда впервые увидела, как ее бабушка снимает очки, или когда она сидела в первом ряду на концерте и видела, как пианиста полностью захватила музыка.

Так же, только с тьмой, ужасом, яростью и кровью.

Из-за дождя было не таклюдно, как обычно, – только мама, Натали и еще три человека в демонстрационной комнате: две женщины и мужчина, который переваливался как утка. Явно уж никто из них не убийца. Но все равно она думала, приходил ли он уже наблюдать за тем, как толпа осматривает его вторую жертву? Если так, то появлялся ли он больше одного раза?

Глянув на штору и увидев, что месье Ганьона не было, Натали перевела взгляд на мать. Она была неподвижна, глаза не моргая устремлены на труп.

– Интересно, как она там оказалась, – прошептала она, – в этой ситуации, что привело ее к тому, кто убил ее.

«Я видела, как она бежала от него, мама. Я все видела. И при этом задом наперед».

Натали склонилась к маме.

– В том-то и весь страх. Это мог быть кто угодно.

«Включая меня или Симону». Натали подошла ближе к стеклу, думая о серебряном колечке убитой. Может, это от ее кавалера, а может, наследство. Или же она купила его на свои заработки, или нашла на мосту через Сену. У кольца была история, как и у тысячи других вещей в короткой жизни этой бедняжки.

Что-то произошло в комнате: свет, тихий звук. Натали обернулась и увидела фигуру за собой, в тени, прямо рядом со входом, слева. Она не могла рассмотреть ничего, кроме высокого роста и зонта, но при этом присутствие было зловещим, угрожающим.

Она резко повернула голову обратно и схватила маму за локоть.

– Пойдем.

– Что такое? – Мама обернулась посмотреть, но на ее лице не отразилось ни любопытства, ни беспокойства. – Ролан, как я рада вас видеть.

Натали отпустила маму. Никогда она не радовалась темноте. Она скрывала вспыхнувший румянец.

«Не убийца. Слишком богатое воображение, Натали». Это просто Ролан. Один из портных в ателье, где работала раньше мама. Натали поприветствовала его с улыбкой, которая отра-

зились от толстых линз его очков обратно к ней. Мама с ним заговорила, а Натали снова повернулась лицом к трупам. «Не будь душой».

– Почему ты так заспешила? – спросила мама, когда Ролан отошел.

– Голова закружилась, – соврала Натали. – Я подумала, что нужно выйти на воздух, но само прошло.

Они замолчали. Натали сконцентрировалась на второй убитой и подумала о вчерашнем видении. Спустя мгновение она закрыла глаза, припоминая детали: как жертва бежала, что было вокруг, каким образом были нанесены раны. Единственная деталь, которая была похожа на зацепку и не была еще известна полиции, – это сине-золотая ковровая дорожка в коридоре.

В сотнях, если не тысячах, коридоров в Париже могут лежать такие ковры. Посмотри она на пять дорожек подобных цветов – и сказать не сможет, какую именно заметила в своем видении: все происходило так быстро, она не *рассматривала* ковер.

Как это может помочь? Это покажет, что убийство случилось в помещении, по крайней мере, вроде бы в жилом. Было бы у нее что-то более основательное для рассказа... Но, может, и этой информацией есть смысл поделиться. Публике неизвестно, какие детали головоломки уже известны, а каких – не хватает; даже, казалось бы, незначительные мелочи могут оказаться стоящими.

Мама легонько подтолкнула ее, шепча, что готова уходить. Они вышли на улицу и обнаружили, что дождь перестал.

– Видела своими глазами, а все равно не верится, – сказала мама. – Сколько раз я ни была в морге...

– Мадемуазель Боден, как поживаете? – Это был месье Ганьон, голос его раздался со ступенек позади них. Живот Натали отвердел, будто та Медуза на двери внутри морга обратила его в камень своим взглядом.

– Неплохо, спасибо, а вы? – «Пожалуйста, не упоминай допрос».

– Тела да тела. – Он невесело усмехнулся.

Мама подняла изящную бровь. Месье Ганьон поспешно назвал себя представителем полиции в морге.

Натали невольно обратила внимание на то, какая привлекательная у него усмешка и как один неидеальный зуб чуть выпирает, самую чуточку.

Он был гораздо... любезнее, чем тогда. Что-то в его внимании, в том, что он ее заметил, смутило Натали. Но и понравилось ей.

Месье Ганьон, несомненно, тоже привлек ее внимание.

– Наслаждайтесь прогулкой, пока дождь не пошел снова, – сказал он, приподняв шляпу, и пошел в противоположном направлении.

– Откуда ты его знаешь? – спросила мама. Она поправила булавку в шиньоне и ждала ответа.

– Он... однажды поздоровался со мной, – сказала Натали, переминаясь с ноги на ногу. – Он часто бывает в демонстрационной комнате, когда я прихожу.

Мама склонила голову.

– Зачем ему с тобой знакомиться, если он стоит по другую сторону стекла? Смотрители с тобой тоже здороваются?

– Нет. Только он, – сказала Натали. – Месье Ганьон, э-э-э, настоящий джентльмен. Он сказал мне быть осторожной, только и всего.

Мама не ответила, но ее это вроде бы удовлетворило, хотя по ней никогда точно не поймешь. Иногда она может неделю ждать, а потом задать вопрос вдогонку.

Натали, уходя, обернулась через плечо. Месье Ганьон прислонился к фонарю, будто в глубокой задумчивости. Глаза его были опущены, а потом, будто он почувствовал на расстоянии ее взгляд, поднялись на нее. Она отвернулась, смущенная.

И заинтригованная.

По пути в лечебницу она размышляла о нем. Она не знала, что и думать о его сегодняшнем дружелюбии, но оно ей было приятно. Очень.

* * *

Психиатрическая лечебница Св. Матурина всегда была и будет кошмарным местом.

Люк, кузен Натали, однажды ей поведал, что ходят слухи о привидениях, потайных коридорах, ведущих к комнатам самоубийств, и секретных палатах, где маньяки-психопаты представлены сами себе, а персонал больницы только доставляет еду и воду, а также выносит трупы, если заключенные друг друга убивают.

Натали считала это все пустой болтовней – по крайней мере, сейчас, когда подросла, а в детстве такие истории стоили ей немалого количества бессонных ночей.

Место, где поселили тетю Бриджит, пугало по другой причине. Все женщины лечебницы находились на этом этаже; степень их безумия варьировалась настолько, что безмолвные и печальные бродили по тем же коридорам, что и трясущиеся и визжащие. Женщина, которую Натали видела во время своей запретной вылазки несколько лет назад, как она потом уже поняла, была далеко не единственной, склонной к истерикам.

Стены и полы были из холодного камня; воздух – едкий от запахов пота и нечистот. Звук – пугающее многоголосие из воя и непрерывной безумной болтовни. Натали представить себе не могла, что здесь можно жить. Ни одну ночь. Дом мадам Плурфф, где тетушка занимала комнату до лечебницы, был мирным и уютным. А Св. Матурин был котлом, где бурлили безумие и ужас.

И все же Натали была готова приходить сюда, по крайней мере, сейчас она привыкла к этому месту. Пациенты вызывали у нее интерес, учитывая, что она испытывала скорее сочувствие, чем страх, а у тети Бриджит за сумасшествием скрывалась детская доброта.

Они с мамой шли по коридору, пройдя мимо гипсовой статуи святого Матурина за стеклом. Пара кровавых отпечатков ладоней – согласно легенде, их оставила пациентка, избравшая самоубийство как метод побега, – шла от середины стены до пола. Мама всегда отворачивалась, проходя мимо этого места, а Натали каждый раз рассматривала его, пытаясь представить, что произошло в тот день.

Они прошли палату с пациентами. Хрупкая старушка вышла оттуда и увязалась за ними.

– Где ключ? Можете выпустить меня отсюда? Отец сказал, что мне можно выйти, если вы мне дадите ключ, – она спрашивала снова и снова, тихо и почти напевно, дотрагиваясь до руки Натали. Они не обращали на нее внимания; медсестры предупреждали их никогда не заговаривать с пациентами.

Внезапно она схватила Натали за локоть с неожиданной силой.

– ГДЕ КЛЮЧ? – закричала она. В голосе – яд, во взгляде – презрение. Натали попыталась высвободиться, и женщина вцепилась в нее еще крепче. Мама оттолкнула женщину, а медсестра поспешила к ним.

– Эстель, не трогай никого! – медсестра извинилась, отдирая женщину от Натали. Она закричала еще громче, требуя ключ; медсестра повела ее обратно в комнату, и женщина опала, будто нижняя часть ее тела перестала работать, и извернулась. Вторая медсестра прибежала на помощь, а женщина размахивала руками и вопила.

Натали была готова приходить сюда, большей частью.

– Посмотри только на это, – сказала мама, показывая на локоть Натали. Красный отпечаток хватки старухи остался на коже. – У тебя синяк останется.

– Я в порядке. Мне не больно, – сказала Натали. Мама покачала головой, и они вошли в палату, которую тетушка делила с тремя другими женщинами.

Одна соседка с остриженными волосами храпела на своей кровати. Других двух не было в комнате. Тетя Бриджит, сестра папы, старше его лет на десять, свернулась калачиком, как ребенок. Ее каштановые волосы были длинными, спутанными и с вкраплениями седины. Кожа испещрена мелкими морщинами, похожими на сеть трещин на фарфоровой чашке. Она смотрела на окно, но казалось, что скорее на раму, чем на вид за стеклом. Губы ее шевелились: она говорила сама с собой.

Они поздоровались, и тетушка перевернулась на спину. Она уставилась на них, мгновение ее лицо ничего не выражало, а потом она ухмыльнулась:

– Каролин! Натали! Спасибо, спасибо, что пришли меня навестить. Спасибо.

Тетушка всегда горячо благодарила их за визит. Натали раньше думала, что это смешно, но потом поняла, что нет, совсем нет. Это душераздирающе. Тетя Бриджит жила взаперти, в ужасном месте, без человеческого общения, не считая медсестер, докторов и других пациентов. Помимо внутреннего дворика, куда пациентам разрешалось выходить на часовую прогулку в хорошую погоду, мир тетушки был блеклым, пустым и лишенным всякого смысла.

– Мне вчера приснился кошмар, – сказала тетя Бриджит тихо, будто не хотела, чтобы услышали соседки. – Я была коброй в корзине, и меня оттуда вытянула монашка. Я вонзила клыки в ее руку.

Натали сглотнула ком в горле. Тетушкины сны всегда приводили на ум пугающие, яркие образы.

Тетя Бриджит ухмыльнулась, а потом продолжила:

– Когда я укусила ее, она обратилась в голубку.

Мама и Натали обменялись взглядами, и мама кашлянула.

– Это пугающе, тетушка.

Тетя Бриджит замолчала, абсолютно, и замерла, как статуя, только губы ее шевелились.

Такое часто случалось. Тетушка уходила... куда-то. Натали всегда гадала, куда именно: в прошлое, в будущее, в глубины собственного воображения? Через пару секунд она обычно возвращалась в настоящий момент.

Мама нарушила молчание:

– Натали теперь работает в газете.

Тетя Бриджит не ответила, будто не услышала, помолчав еще несколько секунд. Потом посмотрела Натали в глаза с мрачным видом и дотронулась до ее щеки. Тетушка проговорила тонким голосом:

– Никому не доверяй.

Натали вздрогнула.

Почему она так сказала?

Ее мать, уже отлично научившаяся не обращать внимания на тетины странности, стала дальше рассказывать, как хорошо Натали пишет, а потом упомянула папу. Мама прочитала его последнее письмо тете Бриджит, а Натали все размышляла, почему тете на ум пришла фраза «никому не доверяй».

– Я скучаю по Августину, – сказала тетя Бриджит, голос ее сорвался. – Он хороший брат. Я хотела бы... хотела бы... – Губы тетушки задрожали, и лицо сморщилось в плаче.

Мама обняла ее, а плач перешел в рыдания. Тетушка спрятала лицо в маминых руках, как ребенок. Она говорила что-то, повторяла снова и снова, и Натали никак не могла разобрать слова.

– Что она говорит?

– Я хотела бы, чтобы он помог мне поправиться, – сказала мама.

Натали покачала головой, жалея, что не может помочь тетушке. Папа и правда всегда умел помочь, по крайней мере, пытался, и она понимала, почему тетя Бриджит зовет его.

Мама утешала тетушку, пока та не успокоилась. И тут же она сказала, что хочет спать.

Безумие, странное, страшное и непредсказуемое.

Они вскоре ушли и на выходе обнаружили, что их ждал ливень. Спеша на трамвайную остановку, они прижимались друг к другу, соединив свои зонтики, чтобы создать большой щит от дождя.

– Тетушка мне что-то странное сказала. Ты ее слышала? «Никому не доверяй».

Мама вздохнула.

– Почти все слова тетушки странные.

Натали стряхнула капли с зонта.

– Я знаю, но это казалось очень... конкретным. Тебе не кажется?

– Не знаю.

Вот так всегда с мамой. Если она о чем-то не хочет говорить, то это как вести диалог с горгульей с собора Парижской Богоматери.

Мамино бескомпромиссное молчание только придало Натали смелости.

– Вы с папой никогда мне не рассказывали, – начала она, – как тетушка оказалась в лечебнице Св. Матурина.

– Это сложно, *ma bichette*. – Мама посмотрела ей в глаза. – Она считает, что у нее видения. И она пыталась утопить человека из-за них.

Глава 11

Рука Натали ослабла, и она чуть не выронила зонт.

– Видения? Какие... какие видения у нее были?

Мама посмотрела на людей на остановке: молодой мужчина в очках читает Маркса, влюбленная парочка увлечена друг другом, мать держит за руки двоих детей – мальчика и девочку, весело поющих на другом языке – польском, кажется.

– Это произошло, когда она жила в доме мадам ПлUFF, – сказала она, понижая голос. – Однажды ночью она пропала, и нашли ее, когда она пыталась утопить в Сене мужчину. К счастью, рядом оказался полицейский, успевший вмешаться.

Натали попыталась представить эту картину, но не могла. Это казалось невозможным. Ее тетя была костлявой и хрупкой столько, сколько она ее помнила.

– Как у тетушки хватило сил на то, чтобы утопить человека?

– Она прыгнула на него со спины, когда он склонился над перилами моста. – Мама изобразила, как наклоняется через перила, чтобы посмотреть вниз. – Завязалась борьба, и каким-то образом они оба оказались в реке. Он не умел плавать, а она пыталась удержать его голову под водой.

Это Натали *могла* представить, потому что даже в психиатрической лечебнице тетя проявляла жестокость, во всяком случае, следы жестокости. Глаза тети Бриджит вспыхивали диким огнем каждый раз, когда она заговаривала о своих снах.

– Тетя Бриджит была непоколебима, – добавила мама тихо и мрачно. – Она утверждала, что видела, как мужчина бросил в реку младенца.

– И?

– Они искали три дня. Никакого младенца не нашли ни в Сене, ни в округе. И никто не заявлял о пропаже младенца. И мужчина не был преступником.

Натали вбирала в себя слова, как губка, впитывающая пятно крови.

– Какая жуть. Бедный!

Она размышляла, что с ним стало и смотрел ли он когда-то после этого случая с моста, не проверив сначала, кто стоит поблизости.

– И тетю Бриджит заперли навсегда из-за одной ошибки, хоть и ужасной? В конце концов, она же не убила его, а просто сильно напугала...

Она осеклась, отвлекшись на рой вопросов в голове: «Тетя Бриджит оказалась в лечебнице Св. Матурина потому, что пыталась кого-то убить, или потому, что верила в реальность своего видения?».

Женщина смотрела, как дети прыгали по луже.

– Твой отец решил, что так лучше всего. Мадам ПлUFF была душкой, но она... не могла предоставить тетушке необходимого ухода. И мы не могли. Ты понимаешь это, да?

Не успела Натали ответить, как подошел трамвай, обрызгав грязной водой из лужи мамино платье, оранжевое с узором из серых завитушек. Мама нагнулась, чтобы посмотреть на пятно, и уронила сумку в лужу. Дверь трамвая распахнулась, и мама сокрушалась об испачканных платье и сумке, всходя на ступеньку. Натали вздохнула. У нее еще было столько вопросов, но она знала, что мама ни на один не ответит в общественном транспорте, где могут услышать другие люди. Мама была чопорной, когда дело касалось обсуждения семейных дел, даже если подслушать ее могли только незнакомцы.

Натали закрыла зонтик и последовала в трамвай за мамой, жалея, что тетя не сказала больше – или меньше – чем «никому не доверяй».

* * *

Два дня после Натали пыталась заговорить с мамой о том, как тетушку отправили в психиатрическую лечебницу. Мама последовательно и изобретательно меняла тему. (Натали однажды прокомментировала умение матери уклоняться от любопытства, на что мама ответила: «С тобой у меня было много возможностей попрактиковаться в этом за прошедшие годы».) Ее уклончивость только разжигала интерес Натали.

– Почему это такая тайна? – спросила Натали после третьей попытки поговорить об этом.

– Потому что твой отец так хочет. – В мамином тоне, обычно ровном, как драгоценный камень, зазвучали железные нотки. Этот разговор окончен. Не в данную минуту, а вообще.

Слова ранили ее, как маленькие стрелы сочувствия тете Бриджит. Было ли безумие тетушки истинным или неверно истолкованным – либо и тем и другим?

* * *

– Готова поспорить, мать жалеет, что рассказала мне, – сказала Натали Симоне. Они сидели на диване у Симоны и ели виноград. Соседка ее продавала виноград с уличной тележки, и Симона могла купить у нее за полцены тот, что не продан за пару дней на прилавке. Когда Натали была у Симоны в прошлый раз, она предложила той как-нибудь купить побольше винограда, чтобы они могли толочь его ногами, как на винодельне. Симона сказала, что это запахнет всю квартиру, но она с радостью потопчет с ней виноград, если они поедут на виноградник в Бордо.

– Скорее всего, – ответила Симона, выковыривая виноградную косточку из зубов. – Но шила в мешке не утаишь. Она когда-нибудь объяснит.

– Кстати, об объяснениях, – сказала Натали, указывая на первую полосу *Le Petit Journal*, – вот это не объясняет ничего. Я даже не знаю, зачем месье Патинод это напечатал.

В газете было опубликовано второе письмо убийцы. Она склонилась над ней, перечитывая.

Париж,

благодарю, что пришел к моему второму экспонату. Было великолепно наблюдать мои произведения рядом друг с другом, хоть и недолго. Очереди были весьма впечатляющие. Не желаю разочаровывать, обещаю предоставить что-нибудь новое для осмотра в ближайшее время.

До следующей,

всегда ваш

Я

– Эти девушки для него не люди, – сказала Симона. – Они шахматные фигуры.

– Или произведения искусства.

Симона подняла брови и откинулась на спинку.

– Отвратительно, даже по твоим меркам.

– Это его слова, не мои. Подумай сама, – сказала Натали, пряча выбившиеся локоны обратно под кепку разносчика газет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.